

РУССКИЙ ШАНСОН

Андрей

ОРЛОВ

Я навсегда тобою ранен...

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Андрей Юрьевич Орлов

Я навсегда тобою ранен...

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=644035

Орлов А. Ю. Я навсегда тобою ранен...: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-49356-2

Аннотация

Сбежавшие из сибирской зоны четверо зэков ограбили машину с золотыми слитками. А затем и воры, и их драгоценный груз бесследно пропали. Спустя годы в городе стали происходить загадочные убийства. Начальник уголовного розыска Артем Богатов выясняет, что все они связаны с пропавшим золотом. Богатов – мужик азартный и уже не может остановиться. Ему хочется самому выйти на след разбойников. Очертя голову он ввязывается в смертельную игру. Страсти накаляются до предела, когда Богатов влюбляется в женщину, которую спас от неминуемой гибели. Но кто спасет от смерти его самого? Может быть, любовь?..

Содержание

Пролог	4
Глава первая	14
Глава вторая	43
Глава третья	68
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Андрей Орлов

Я навсегда тобою ранен...

Пролог

1991 год, 29 сентября

Солнце падало в лесистую седловину между голыми сопками, блестело, озаряя опушку черничного бора, увядающий шиповник, космы жухлой травы. Насыщенное, яркое – гораздо ярче, чем летом. Лапки можжевельника, островки моха в вязких трещинах, кусты, облепленные перезрелой голубикой с лазурным налетом, – все переливалось и искрило в закатных лучах. Временами набегал ветерок, встряхивал ветки кустарника. Облака висели, словно расстрелянный из пушек занавес.

Из потемок бора, хрипло отдуваясь, выбрались четверо – взмыленные, измазанные. Первый тащил тяжелый рюкзак на широких ляшках. Выбросил сучковатую корягу-клюку, рухнул на колено.

– Хомяк, цепляй сбрую... – прохрипел кряжистый, широколобый, замыкающий шествие. Тот, что с рюкзаком, вывернулся из лямок, издав утробное рычание, сбросил груз на землю. В поклаже глухо бренькнуло. Переходящее удовольствие досталось пареньку с перепачканным лицом и крово-

точащей ссадиной под носом. Он покорно выгнул руки, словно ныряльщик перед стартом, – двое, поднатужившись, забросили на спину рюкзак.

– Давай, родной, немного осталось...

Процессия поволоклась непроторенной дорогой. Одолела покатую лощину, заваленную буреломом, и уткнулась в молодой лес – скопление тонконогих деревьев с глянцевиной листвой. Узоры паутины переливались на солнце. Пройти такую преграду невозможно – только вырубив просеку. Со временем большинство деревьев высохнет, уцелеют живучие, стойкие, но когда такое случится?

– Сворачивай... – просипел кражистый. – По речке пройдем...

Четвертым был угловатый рослый тип с искривленным черепом и глазами навывкат. Пропустив товарищей, он повернулся к бору, пытливо уставился на него. Поводил за чем-то носом, утер его грязным рукавом. Поминутно озираясь, припустил за процессией.

Бурная река бесновалась под ногами. Тропа петляла по обрыву, повторяя ее извивы – огибая россыпи камней, черные кусты с безлистными ветвями. Русло загромождали валуны, берег был сильно изрезан. Пласты кварцита выходили на поверхность – мощными волдырями, насаженными один на другой. По морщинам скал будто струилась трава, кусты цеплялись корнями за провалы и трещины.

Двигались молча – лишь временами кто-то матерился, по-

скальзываясь на кварцевой щебенке. Угловатый тип, идущий в арьергарде, постоянно озирался. «Носильщик» спотыкался через шаг. Кряжистый поранил руку о сучок, мрачно смотрел, как из сжатого кулака вытекает кровь. Тропа входила в кривой поворот. Доносился рокот водопада. По одному, в гнетущем молчании спустились на каменистую площадку, направленную на острие излучины. Слева – обрывистый спуск, ноздреватые глыбы на дне пропасти. Бурлила вода, заливая камни коричневой пеной. Впереди возвышался порог высотой с двухэтажный дом, с него обрывалась масса воды.

– Не могу больше... – простонал молодой, стаскивая рюкзак. Лег, разбросав худые ноги, засаленный рукав пристроил под щеку.

– Разлегся, блин, как Млечный Путь, – проворчал четвертый участник «экспедиции» – бледный, с тройным подбородком, заросшим щетиной, ломаной горбинкой на раздутом носу. Он тоже решил передохнуть – присел, откинувшись к скале, натянул на затылок ворот фуфайки.

– Уморился, гребешок? – проурчал кряжистый, посматривая на паренька с какой-то смесью брезгливости и пристрастия.

– Так тяжело же, Муксун... – шепотом оправдался юнец, делая жалостливую физиономию. – Подохну сейчас, кто ж тебя ублажать будет?

– Гусыню найдет, – хохотнул мужик с тройным подбород-

ком. – Чай, ушли из зоны, а в этой стране одинокого бабья пруд пруди... Так что, извини, неактуален ты стал, Хомяк. Любовь зла – полюбим и козлицу.

– Устал он, так его растак... – проворчал кряжистый, присаживаясь на корточки и обозревая безрадостные перспективы. – Помереть он, видите ли, собрался... А ты на камушек вскарабкайся, Хомяк.

– Зачем? – жалобно протянул юнец.

– А к богу ближе будешь! – Бледный истерично хохотнул. – Слышь, Муксун, а в натуре, чего мы так долго премся? Так и до Тувы дотопаем, кишки уж скоро полезут...

– С другой стороны Тува, дурында, – шмякнулся на площадку длинный и нескладный. – Слушайте, мужики, – он присел на корточки и, вытянув шею, настороженно покосился за спину, – мля буду, затылком чую – неладно тут у нас чего-то...

– Чего неладно? – насторожился бледный.

Кряжистый как-то подобрался, свел растрепанные клочковатые брови. Юнец приоткрыл один глаз. У него в запасе было еще немного сил. Подтянул толчковую ногу.

– Глючишь, Вахланя? – мрачно осведомился кряжистый.

– Крадется кто-то за нами, – шмыгнув носом, сообщил лупоглазый. – Не видел никого, мужики, но чую заразу, у меня это дело ох как развито...

– Не баламуть, Вахланя, – насупился кряжистый.

– Да кто за нами крадется? – побелел на глазах молодой,

облизнул губы и привстал на локтях. – Ты чего, Вахлань, дрефло взыграло? Мы верст десять прошагали... а у арбы точно одно жмурье валялось.

– А ведь Вахлания верно заразу чувствует... – задумчиво молвил бледнолицый, принимая сидячую позу. – Не проведешь его, чертяку...

Как переглянулись кряжистый и бледный, заметил только юнец. Сигнал к началу побоища – «волга»! Сработал инстинкт. Оттолкнулся от камня ногой, когда у кряжистого в руке мелькнула сталь, покатился по площадке, воя от страха. Лязгнуло железо о камень, переломилось с хрустом. Но вожак уже летел за добычей. Глаза парнишки были застланы ужасом, он подпрыгнул – вспомнил, видно, о своих способностях по прыжкам в ширину – сиганул в сторону... и завизжал, оказавшись в бездне. Замахал руками, полетел, кувыркаясь, в бушующее чрево водопада...

Вахлане отчасти подфартило. Он просмотрел, как двое перемаргиваются, но уловил момент, когда, пружиня пятками, бледный метнулся, чтобы вбить его хребтом в монолит. Кувыркнулся к рюкзаку, шмякнулся, как кошка, на четыре конечности и, когда тот менял направление, теряя секунды, сам рванулся в контратаку, упал на колено, ударил второй ногой. Оппонент обрушился с криком – головой в пропасть, вцепился в мощный корень, торчащий из обрыва. Удар грудиной был ужасен, подняться без чужой помощи он не мог. Рослый пнул по ногам – конечности прорисовали полукруг,

опрокинулись в обрыв. Он не видел, что далее творилось с бледным. Судя по молчанию и сдавленным хрипам, тот сползал по склону, цепляясь за корни. Кряжистый мчался напереперез! Не таким уж лаптем оказался угловатый – устоял, когда его пробила неслабая масса, и пудовый кулак впечатался в пузо. Дыхание перехватило, он отбросил от себя недавнего товарища, завертел руками, как мельница. Один из ударов пришелся по адресу – физиономия Муксуна густо окрасилась кровью. Он стиснул зубы, устоял, опять отправился в лобовую атаку. Сошлись в чудовищном медленном танце – обхватив друг дружку, красные от натуги, топтались по площадке. И снова угловатому легла карта – кряжистый споткнулся о брошенный у края рюкзак, поддел его ногой – тот отъехал, невзирая на приличную массу, качнулся – аккуратно над бушующим водопадом...

Заорали одновременно. Но кряжистый уже терял равновесие, товарищ давил – рухнули оба: рослый сверху, а тот, что под ним, треснулся затылком о монолит и потерял на миг сознание. Удар головой – в кустистую переносицу, и снова прощание с реальностью, теперь уже надолго. Угловатый торжествующе заорал, врезал по челюсти, затем еще раз и бил, пока кулак не онемел, кожа не порвалась на костяшках, а физиономия противника не стала хорошим ромштексом...

Несколько секунд он сидел в оцепенении.

– Ну, вы даете, Муксун... – прохрипел, отползая от поверженного товарища. Повертел очумело головой. Что это бы-

ло?

Слишком быстро, на свою гибель, кряжистый пришел в себя. Не мирилась душа с поражением. Рычал, изрыгая пену, приподнялся на локтях, засадил ногой угловатому в копчик. Вахлан свалился на ожившего, тряхнул, вцепившись в ворот, врезал локтем и поволок, отдуваясь, к обрыву. Тот цеплялся, царапал камень когтями. Предсмертная тоска зажглась в глазах.

– Вахлания, постой, не гоношись... Я объясню, Вахлания...

– Замаешься объяснять, Муксун... – хрипел длинный. – Я же понимаю, скорешились вы с Крессом, подговорил ты его втихую завалить нас с Хомяком... Вот только не допер твой дружок, что ты и его замочишь после нас... Не так, Муксун? А рюкзачок и сам оттащишь. Не тянет своя ноша, нет? Сука же ты все-таки...

Возразить бедолага не успел – сильным толчком Вахлания толкнул Муксуна с обрыва. Послушал, как сыплется глина. Затем пересек площадку, подобрался к другому краю, где буйствовал водопад, сел на корточки. Лег, раздвинув ноги. Постепенно ошалевшее лицо разглаживалось, глаза теплели, он делался блаженным, почти счастливым. Обрыв фактически не был отвесной стеной. В полуметре от ребра утеса имелся козырек шириной и глубиной порядка метра. Хомяк пролетел мимо, зацепиться не сумел – о чем наглядно свидетельствовала обломанная ветка мертвого куста, вклеившегося в обрыв. На соседнем сучке – а этот, как ни странно,

оказался прочным – красовалась... лямка повисшего над водопадом рюкзака.

Он нащупал подходящий выступ, стащил ноги на козырек, слез сам, посидел в скрюченном виде – эдакая пародия на Родена. Прочность козырька оставляла сомнения – имелся у него в крови индикатор опасности. Но уйти так просто человек не мог. Помня об одной опасности, он забыл про другую. Лег плашмя на выступ, подтянулся к краю обрыва, выпластал обе руки, напрягся, поднатужился... и снял с сучка лямку.

Пот хлынул со лба. Тяжесть рюкзака тащила в свирепствующий водопад, жилы работали на разрыв. Вахланя зацепился носками за зубчатую выемку у стыка карниза со стеной. Начал медленно, сантиметр за сантиметром, вытягивать лямку. Когда показались засаленные завязки, он не стал искушать судьбу – вцепился в ткань звериной хваткой, ломая заскорузлые ногти, не чуя боли, выволок на козырек элемент туристского снаряжения. Полежал, восстанавливая дыхание. Блаженная улыбка расплзалась по лицу. Вахланя развернул рюкзак, влез в одну лямку, сделав «мостик», влез в другую, замкнул карабин между лямками. Перевернулся вместе с рюкзаком, отжался от карниза, взгромоздясь на колено. Встал.

Поздновато он сообразил, что не сможет с рюкзаком выбраться на площадку. Силы уже не те. И тяжесть за спиной – приличная. Потянет назад – загремит с обрыва к едрене

фене...

– Ну-ну, – насмешливо прозвучало над головой. – Неправильно поступил, дружок. Давай сюда руку.

Вахланя вздрогнул, вскинул голову. На краю обрыва, повернувшись к нему левым боком, стоял человек. Он протягивал растопыренную пятерню. В правой был зажат пистолет.

Несчастливого затрясло. Он знал, он чувал, что за ними кто-то идет...

– Давай ручонку, не бойся, не укушу, – ласково повторил незнакомец, отступая правой ногой и немного приседая.

Человек попятился. В глазах незнакомца отражалась так ненужная сегодня смерть...

– Куда же ты, родной? – удивился человек с пистолетом. – А ну-ка поднимайся живенько...

Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть ход событий. Он выстрелит, когда вытащит. Пистолет не вырвать, далеко. Выкручивать руку, трепыхаться – оба загремят в водопад. Но пока он внизу, незнакомец не откроет огонь – покойник может сорваться.

Это не было решением. Спонтанный поступок. Подышать по-любому – но от одной мысли, что кому-то достанется содержимое рюкзака... Вахланя попятился, качнулся на краю. Лучше не оглядываться.

– Эй-эй, – насторожился незнакомец. – Давай-ка без психических штук, дружище. Отдаешь рюкзак, расходимся

мирно...

Он машинально дернулся вперед. А Вахланя машинально отпрянул. Его нога сбила камешек на краю, сорвалась в пропасть. Панический ужас застыл в глазах обоих, человек с рюкзаком всплеснул руками, прежде чем сорваться и рухнуть в ревущий водопад...

Глава первая

10 сентября 2006 года.

Где-то между Абаканом и Тывой, Таштаголом и Саяно-Шушенским водохранилищем...

Звонок телефона совпал с сигналом будильника. Первым делом я решил прихлопнуть последнего. Стукнул кулаком по тумбочке, но этот гад оказался на краю, свалился, продолжая верещать. Куда-то пополз от меня. Со второй попытки я его настиг, прихлопнул, проснулся и, испытывая смутное подозрение, что не за горами поход в универмаг за новым будильником, потащился к телефонной тумбочке.

– Вы ошиблись... – просипел я в трубку.

– А хрен-то тебе, – злорадно отозвалось непосредственное начальство. – Долго спишь, начальник уголовного розыска! Или ты там не один? – голос майора Неваляева, начальника Рыдаловского РУВД, сделался на полтона ниже и каким-то любознательным.

– А вы приходите в гости, Игнатий Филиппович, в бельишке покопайтесь... – Я зевнул и чуть не вывихнул челюсть. Зачем звонить, если я и так пойду на работу?!

– Ты ласковый парень – в шесть-то неполных утра, – фыркнул шеф. – Не догадался еще, к чему я тебе звоню?

– К радостным хлопотам?

– Ладно, протирай zenки. На работу можешь не заходить.

– Отличная новость, – я извернулся и раздавил тапкой лицо усатой национальности, собравшееся удрать под тумбочку. – А что случилось, Игнатий Филиппович? Восемь человек пропали в тайге при испытании новой модели компаса?

– Остряк недоученный... – проворчал шеф. – Комсомольская, 66. Свежий труп. Мужчина лет сорока, не из местных. Снимал полдома у Завьяловой Валентины – в десять вечера был еще жив. Покойника обнаружила хозяйка – имеется у нее, в отличие от некоторых, обыкновение – вставать до рассвета. Вызвала «Скорую». Дежурный медик постучал по голове, вызвал патрульных. Те тоже не титаны ума – запросили уголовный розыск.

– А вы тут при чем, Игнатий Филиппович? – удивился я.

– Вот и я того же мнения, – в голосе начальства проявилось раздражение. – Езжай, разберись.

– Признаки насильственной смерти?

– Возможно. По крайней мере, непонятное. Медики подъедут минут через пятнадцать.

Положив трубку, я несколько минут сидел, привалившись к тумбочке. Погладил кота, который тут же принялся меня облизывать. Торопливость неуместна – куда спешить трупу? Аккуратно, чтобы не развалить эту хлипкую древность, я поднял с пола телефонный аппарат, отделил от него трубку, набрал простой четырехзначный номер.

– Больница, – вздохнул на том конце молодой врач Павлушкин.

– Богатов говорит. Как там наша больная?

– Ритмично бьется, – пошутил работник.

– А без шуток?

– А без шуток, Артем Николаевич, вашей больной в больнице больше нет. Выписали Яну Владимировну Островскую. Еще в субботу.

– Серьезно? – не поверил я.

– Ага. Доктор не даст соврать. Довела тут всех – рвалась на свободу, точно с каторги. Заставила провести себе техосмотр – лошади под капотом есть, давление масла нормальное, днище не заржавело... Но вы следите за ней – как минимум месяц никаких резких движений. Пусть дома сидит. Разойдутся швы, и что тогда? Второй раз мы Яну Владимировну не спасем. Поймите, Артем Николаевич, у нас не областная больница и светила отнюдь не с мировыми именами.

– Усвоено, – сказал я. – Спасибо, Федя. А выпить ей за радостное возвращение с того света можно?

– Нужно, – сказал Федя и бросил трубку.

Прежде чем войти в калитку, я бдительно осмотрелся. Комсомольская, 66 – в чреве райцентра Рыдалова. Саяны, Республика Хакасия, одно удовольствие от жизни: природа. Но в городе эта штука почти не ощущается, а выезжать подальше и наслаждаться, забыв про все, удастся редко. Река Уштым, стекающая с предгорий, в наших краях резко поворачивает на восток, бежит километра четыре сравнительно

ровно, дает петлю и уносится на северо-запад – к отрогам Алымшанского кряжа. В петле и расположен городок Рыдалов с населением порядка тридцати тысяч неудачников. Четыре улицы параллельно Уштыму: Тальниковая, Советская, Комсомольская и почему-то имени Павла Лазаренко. Не знаю, кого имели в виду, но сомневаюсь, что вороватого украинского премьера времен всеобщей «бандитизации» СНГ. Частные дома, тонущие в садах, чередуются с двухэтажными бараками (отдельные вполне приличные), кирпичными коробками относительно недавнего возведения – с примитивными, но отдельными квартирами. На Советской – общежитие рыбзавода, административный центр с примыкающим к нему райотделом милиции, универмаг с прохудившейся крышей, клуб для встреч унюханных наркоманов, памятник самому человечному человеку, у которого на днях неопознанный святотатец возложил кучу дерьма. Облезлая церквушка с вечным дефицитом тружеников креста и кадила. На Комсомольской – типография, психоневрологический диспансер. Улица Лазаренко уставлена домами повыше (хотя и не везде), а на востоке, где Уштым делает петлю, превращается в дорогу, которая стальным мостом пересекает реку и уходит на север – к Абахе и столице Хакасии.

Лично я проживал на Тальниковой – в дощатом доме без мансарды. Что такое зимы в Саянах, я еще не знал. Человек я в этих местах новый, машину держал под навесом, а в саду старательно разводил сорняки, созерцанием которых и зани-

мался тоскливыми летними вечерами. До Комсомольской от моих «владений» – три минуты езды (если не дорогами, а закоулками).

Итак, я вошел в калитку, мимоходом отметив, что пришел не первым. Под забором прохлаждался «уазик» РОВД. Колесо бесстыже увлажняла уличная дворняга. На крыльце курил вечно похмельный лейтенант Крюгер – работник моего отдела: пессимистично-депрессивный сорокапятилетний тип с морщинистым лицом и гибким чувством юмора.

– Ты знаешь, чем утро понедельника отличается от вечера пятницы? – с несчастным видом спросил подчиненный.

– Острорежущим похмельем? – догадался я.

– Всем, – отрезал Крюгер. – Ну и похмельем, конечно. Ума не приложу, почему я вчера пошел к соседу, чтобы взять у него ключ девять на двенадцать, которых у меня – полный ящик. Пиво было несвежее, водка – от лукавого, закуска – с придурыю...

– А самогон, которым вы это дело лакировали, баба Настя забыла перегнать вторично, – заключил я. – Нажрались до зеленых соплей. Не понимаю, почему тебя Нинель терпит.

– А она уже не терпит, – усилил трагическую муку Крюгер. – Подозреваю, что, пока я в спячке, Нинка времени не теряет. Она же не собака, чтобы хранить мне верность без убедительной причины.

– Хорошо, что ты сам это понимаешь, – пробормотал я, кивая на открытую дверь. – Ну и как там?

– Не стесняйся, наши двери открыты. – Крюгер с готовностью подвинулся. – Командовать парадом будешь ты, Артем. Позавтракал уже?

– Нет.

– Очень хорошо. Отличный возбудитель аппетита. Знаешь, у меня такое ощущение, что к нам в руки что-то плывет. – Крюгер помолчал, пожевав окурков, и добавил. – И не тонет...

В доме было чисто, опрятно, даже уютно, из чего напрашивался вывод, что Завьялова Валентина, пустившая в дом квартиранта, – женщина непадшая. По всей видимости, особа с застывшим лицом в вязаном кардигане, сидящая в углу на табуретке, – она и была. Женщина молчала.

«Возбудитель аппетита» лежал на полу – у опрокинутого стула, а в двух шагах от лежащих находился обеденный стол, уставленный немногочисленными яствами: шпроты в блюде, резаный сыр, колбаса, миниатюрные помидоры, украшенные пучком укропа, красная икра в зеленой баночке, чекушка перцовочки, облегченная на треть. Напрашивался вывод: человек, погибший во время трапезы, не испытывал желания напиться. Он культурно отдыхал после трудового дня, а отсутствие на столе солидных блюд указывало на то, что человек – не любитель кашеварить, а может, просто не желал этим заниматься в свете наступившей ночи.

У трупа были скрючены пальцы, глаза цвета хмурого утра вылезли из орбит, лицо перекошено. Рот искривлен настоль-

ко, что через отверстие в правом уголке просматривался украшенный plombой клык с желтым налетом в месте контакта с десной. Прическа отсутствовала – немного шерсти на висках и огромная сферическая лысина (как на моей покрывке), подчеркивающая высокий лоб, выразительность глаз и миниатюрные круглые уши.

Пожилой эксперт, вооруженный передовыми научными знаниями, колдовал над столом, внюхиваясь в подсохшие за ночь продукты. Исследовал колбасу, поковырял вилкой в икре, испытывая, судя по голодному лицу, желание доесть.

– Живут же люди... – проворчал он с завистью.

– Кому завидуешь, Павел Валерьянович? – хмыкнул, поднимая голову, молодой черноволосый Венька Лиходеев. Он сидел на прочно сбитой деревенской лавке и вдохновенно сочинял протокол. – Ба, Артем Николаевич... С добрым утром, командир.

Эксперт сдержанно кивнул. Венька проследил за направлением моего взгляда сопутствующей миной.

– Да уж, Артем Николаевич, не сказать, что парень смотрится молодцом. Но лучше, чем Крюгер, правда?

Все рассмеялись, кроме покойника и хозяйки дома, которая вздрогнула и уставилась на меня с каким-то анатомическим ужасом. Что поделать – люди, работающие в нашем жанре, законченные балагуры. От беспросветной жизни на краю географии спасают только цинизм и извращенное чувство юмора. Хорошо, что на труп не приковыляла Яна

Владимировна, прошедшая курс возвращения из могилы по причине запущенного аппендицита – был бы полный разгуляй.

– Не будем лишний раз тревожить Валентину Васильевну, – покосился на хозяйку Венька. – Ее показания имеются в деле. Господин по имени Гарбус Аркадий Константинович, холостой, шестьдесят третьего года рождения – паспорт с Кемеровской пропиской прилагается, – снял у нее комнату неделю назад, оплатив проживание за десять дней. Тихий, вежливый, культурный. Днем уходил, ночами был дома.

– И все это время вы проживали в соседней комнате? – обратился я к хозяйке.

Хозяйка не ответила, она по-прежнему смотрела на меня с ужасом.

– Валентина Васильевна проживала в летней кухоньке, расположенной в глубине сада – дабы не смущать квартиранта, – без запинки отчитался Венька. – В этой кухоньке имеется все, необходимое для сна.

«Кроме мужика», – подумал я.

– И последней ночью...

Хозяйка надрывисто закашлялась, заморгала. Я покосился в мутное зеркало на старинном комодe – не вырос ли рог на лбу. Но тут хозяйка очнулась:

– Господи... Аркадий Константинович вернулся домой часов в десять... Принес пакет с продуктами... Довольный был такой – сказал, что закончил свою работу в Рыдалове...

– Работу? – насторожился я.

Вошел покуливший Крюгер, напевая: «нам бы понедельник взять и отменить». Прислонился к стеночке, скрестив руки на груди.

– Даже не спрашивайте, я не знаю, какую работу он тут делал... Я ушла к себе на кухню, а часов в одиннадцать в калитку позвонили – я слышала, как он пошел открывать, потом крикнул, что к нему пришли и я могу не беспокоиться...

– Вы не видели, кто пришел? – спросил Крюгер.

– Не видела, – убитым голосом сообщила хозяйка. Голос у него при этом был нормальный, не дрожал... – Я уснула. А с петухами встала, вошла в дом, а тут... – глаза хозяйки стали наполняться большими скорбными слезами.

– Спасибо, Валентина Васильевна, – поблагодарил я. – Пройдите, пожалуйста, к себе. С вами еще поговорят.

– Криминалисты подъедут через двадцать минут, – возвестил Крюгер. – А то Павел Валерьянович совсем у нас заскучал.

– Да нет, – пожал плечами медик, – с вами весело. Хотите знать, отчего скончался господин Гарбус?

– Инфаркт, – пожал плечами Венька. – Внезапная остановка сердца. А может, кровоизлияние в мозг – помутнело в голове, дыхание перехватило – кирдык, и туда... А если с ним и был кто-то, то убежал с перепугу.

– Сам ты кирдык, – строго сказал Павел Валерьянович. –

Паралич лицевых мышц. Опухший язык. Сильный, не оставляющий шансов яд, господа. Тетродотоксин, например. Или амигдалин – при расщеплении в желудке выделяется синильная кислота. Возможно, нечто эдакое принял вместе с пищей. А алкоголь, выпитый в разумном количестве, лишь ускорил всасывание токсинов...

– Позволь, Павел Валерьянович, – перебил я, – ты настаиваешь, что он принял яд случайно?

– Решайте сами, – пожал плечами медик. – Но смерть – прошу уж мне поверить – может явиться к нам практически из любого продукта питания.

– Ну, уж, – усомнился Венька.

– Рыба, – убеленный сединами профессионал ткнул пальцем в банку со шпротами. – Никто из ученых вам не скажет, почему съедобная селедка или, скажем, анчоус временами становятся ядовитыми. Состояние называется «сигуатера». Выделяется яд сигуатоксин. Крайне редко, но случается. Миндаль, абрикосы, персики, вишни – упомянутый амигдалин. Готовая смерть на блюде. Картошка – представитель ядовитого семейства пасленовых. Съешьте проросший или свежий позеленевший клубень – узнаете. А лучше килограмм таких же очистков – умрете в страшных мучениях, благодаря соланину и чаконину – природным токсинам. Ядовитый мед – не хихикай, Лиходеев. Собирается пчелами с представителей семейства вересковых – багульника, азалии, рододендрона. А вот от ядовитой бузины мед, к вашей

му невежественному сведению, абсолютно безопасен, хотя и невкусен.

– Жутко интересно, Павел Валерьянович, – похвалил я. – Но давай прервемся. Тело, разумеется, вскрыют. Продукты, оставленные на столе и лежащие в холодильнике, проверятся на содержание ядов. Ничего вы там не найдете – сто процентов. Представьте ситуацию: собеседник посредством угрозы, например, под дулом пистолета, вынуждает потерпевшего принять яд. Деваться, собственно, некуда. Есть второй вариант – заставил сделать то же самое, но посредством обмана. А потом унес продукт.

– Зачем унес, – не понял Крюгер, – если вскрытие все равно покажет?

– Значит, не покажет, – пожал плечами Венька. – Распадется к чертям собачьим, все растительные яды распадаются, доказывая потом, что это умышленная смерть.

– Насильственная, – поправил я.

Удариться в философскую дискуссию нам не дали. Началось паломничество. Прибыли обозленные эксперты, поорали про затоптанные следы, покурили, обсудив вчерашний футбол, после чего не спеша занялись прямыми своими обязанностями. За экспертами на белой «Ниве» прикатил лично главный мент Рыдалова Неваляев Игнатий Филиппович – плотный пожилой мужик с ангельской физиономией бордосского дога и точно таким же характером. Угрюмо осмотрел покойника, всех присутствующих живых, особенно со-

трудников уголовного розыска, потребовал соображений через час и отбыл. За шефом прикатила бригада из морга, а с бригадой – районный прокурор Каморин Игорь Витальевич, которому присутствовать у каждого трупа вовсе не обязательно. Об этом ему и намекнули в завуалированной форме, на что районный прокурор скрипнул зубами и лично пожелал осмотреть тело. Прodelав вышесказанное, недоуменно поморгал, посмотрел на меня и спросил:

– Кто такой? Физиономия у него какая-то... неместная.

– Гарбус, – бухнул я.

– В смысле? – набычился прокурор.

– Фамилия такая, Игорь Витальевич, – пояснил прячущийся за моей спиной Крюгер. – А чем по жизни промышлял, когда-нибудь выясним.

Уж лучше бы он молчал в свой воротник. Говорить и дышать этим утром Крюгеру было противопоказано. Каморин нахмурился, потянул носом. Он явно находился в зоне поражения.

– Безобразие, товарищи офицеры...

– Только по понедельникам, Игорь Витальевич, – покраснел, как горбуша, Крюгер.

– А вы знаете, что люди хорошо сохраняются в спирте? – похлопотал за товарища Венька.

– Лучше, чем спирт в людях, – съязвил прокурор, обдал нас волной неприязни и убыл, пообещав, что непременно пригласит меня к себе.

– Держитесь, мужики, – хмыкнул один из санитаров, уносящих тело. – Если пронесет, будете счастливы, если влетит – будете мудрыми.

Но энергетика начальства пока не давила. Я не чувствовал себя кроликом, познающим удава изнутри. За «козырную» должность в этой проклятой провинции я не держался, а разносы начальства стали привычными. Когда я прибыл в городок четыре месяца назад, у меня имелся чемодан, карта Сбербанка и белый котенок с пятном на груди. Я подобрал его на вокзале в Красноярске. Не хотел он от меня уходить, вертелся под ногами, ластился, смотрел огромными умоляющими глазами. Пришлось засунуть в карман. Поселили нас с котом в доме убиенного моего предшественника – Кондратия Ивановича Мазурко, который пятнадцать лет проработал в должности начальника уголовного розыска, похоронил жену, а потом и сам погиб, когда неопознанный субъект выстрелил в окно. Не хотел мой Тишка заходить в дом. Съежился, ошетинился, шипел, как змея. Трижды перебрасывал я его за порог, а он драпал обратно, как от чумы. Два дня мы потом с котом на пару выпроваживали из дома злых духов, жгли мусор, мели, драили. Прокурор Каморин был первым, кто посвятил меня в специфику местной криминальной жизни. «Присматривайся, капитан. Наблюдать, наблюдать и еще раз наблюдать, как говорил академик Павлов. На доверительность населения можешь не рассчитывать. Люди здесь привыкли молчать. Они злопамятны,

потомки ссыльных, эзков – полный интернационал: русские, украинцы, хакасы, немцы, евреи... Обзаводись стукачами, на рожон не лезь, и я тебя заклинаю как старший товарищ – много не пей! Сколько хороших людей в этой тмутаракани спилось...»

Про южный берег Уштыма я еще не упоминал. Городок Рыдалов – это не только четыре вышепоименованные улицы, на которых уровень преступности довольно терпимый. Самая клоака – напротив Тальниковой, через речку. Скопище бараков и частных завалюх, разбросанных по холмам и оврагам. Жизнь на уровне пещерной. Район прозвали очень метко – Убей-Поле. Милицию там не любят, и это мягко сказано. От Тальниковой через Уштым протянуты два моста – пешеходный и «комбинированный». На той стороне – непересыхающая грязь, тотальная разруха, помимо жилого района – консервный и рыбный заводы, цех по производству пластиковой тары (единственное предприятие, работающее на износ), фабрика народного промысла, мукомольный комбинат, песчаный карьер. Дороги в гари и копоты, постоянно чего-то лязгает, ежедневные мордобития, поножовщина, на которые работники уголовного розыска приглашаются, слава богу, не всегда, поскольку разыскивать там особо некого – все понятно, как мычание...

Но вот убийство хорошо одетого заезжего господина – явление в наших краях нечастое.

– Выстояли... – просипел Крюгер, когда испарилось на-

чадьство, труп переместился в морг, а в доме остались только мы да женщина за стенкой. Смотреть на Крюгера было страшно. Выпитое накануне не щадило человека. И без того не самое привлекательное в мире лицо превращалось в сущеный урюк. Добредя до холодильника, он всунулся туда по пояс, выудил початую бутылку минералки, обругав загребуших экспертов, свистнувших со стола перцовку. Можно подумать, в ней есть какой-нибудь яд! Да плевать ему на яд! В каждом лекарстве есть яд!

Венька украдкой подмигнул:

– Анекдот, Артем Николаевич. «А вот змея, товарищи экскурсанты, поймана во Внутренней Монголии. Почему такая страшная и сморщенная, говорите? А вы бывали во Внутренней Монголии? А она бывала...»

– О, злыдни... – застонал Крюгер, падая на лавку.

– Отличное средство от похмелья, товарищ старший лейтенант, – продолжал потешаться Венька. – Правда, для этого надо быть японцем. Делаете марлевую повязку, смачиваете ее в саке и активно дышите...

– А в Монголии, – поддержал я, – после пьяной ночи принято пить томатный сок с маринованными овечьими глазами. Отличный выпрямитель.

– А в Пуэрто-Рико, – наслаждался своим чувством юмора Венька, – режут половинку лимона и натирают ею подмышки. Но есть одна хитрость. Если вы находитесь в Северном полушарии, тереть надо по часовой стрелке, а если в Южном

– то, соответственно, против. Иначе хоть затритесь...

До армянского антипохмельного хаша и русской бани-проруби мы не добрались. Крюгер издал нечеловеческий, берущий за душу стон и сжал виски мозолистыми ладонями...

Через два часа я пожаловал к непосредственному начальству – поднимался по расшатанной лестнице и думал, существует ли на свете посредственное начальство? Без стука вошел в приемную. Секретарша Изольда – чудо в перьях – держала пучок проводов и пыталась стянуть со шкафа металлическую коробочку, напоминающую модем. Стринги под джинсами в этот день были белые, в розовую крапинку. А в пятницу, если память не подводит, преобладали вечерние тона.

– Хм, – сказал я. Изольда резко повернулась, хлопнула глазами. Опять накрутилась так густо, что ничего не видит.

– Здравствуйте, Артем Николаевич, коробочку достаньте, пожалуйста.

– Да хоть звезду с неба, – я достал железку, в которую она воткнула один из проводов, подумала, воткнула другой и протянула мне, чтобы поставил коробочку обратно.

– Как-то странно, – удивился я, – неужели к нам подкрался технический прогресс?

– Очень памятный компьютер, – похвасталась Изольда. – Из Абакана привезли. А еще ксерокс. Теперь мы мо-

жем собрать все наши архивы, которые пылятся где попало, и сжечь во дворе.

– А потом подождать, пока полетит профиль, – подхватил я, – и все содержимое этой коробки растворится в виртуальной пыли. Нет уж, Изольдочка, выбрасывать в наше смутное время ничего нельзя. Вы же не выбрасываете крышки от кастрюль, от которых почему-то отвалилась ручка? Или сложенные лыжи, дырявые сапоги, старые чайники с утюгами, перегоревшие пробки? Вдруг пригодятся?

– Да ну вас, – хихикнув, отмахнулась Изольда.

Я слышал от Веньки Лиходеева, что это чудо влюбилось в меня в первый же день, как я появился на новой работе. Однако странную любовью – понимая, что взаимность не светит, она увлеклась фантазиями и теперь неплохо себя в них чувствует. Во всяком случае, ей хватает духу изображать раздражение, когда я достаю ее больше положенного. Ума не приложу, откуда у Веньки информация. Сочинил, наверное.

– Очень хотелось бы вас предостеречь, Изольдочка, – сделал я озабоченное лицо. – К технике нужно относиться бережно, как к мужу. Если вас попросят скопировать диск, не надо загружать его в ксерокс. Он диски жует. И будьте осторожны – это происходит крайне редко, но несколько случаев в стране уже зафиксировано и описано... – я понизил голос и сделал интригующую паузу. Изольда затаила дыхание, ожидая продолжения:

– Какие случаи, Артем Николаевич?

– Компьютерные мыши оказывались настоящими... – И пока она стояла, оцепенев, я на цыпочках прокрался в кабинет шефа.

В состоянии задумчивости сходство нашего руководителя с бордосским догом – просто потрясающее. Начальник-солнце сидел за столом и усиленно размышлял. Извилина проступила на лбу. Я шаркнул ботинком и задел колокольчик-«очиститель», которые Изольда в целях борьбы с нечистой силой развешивала везде.

Неваляев вздрогнул, вышел из ступора.

– Ты чем сейчас занимаешься, Артем? – посмотрел он на меня тяжелым, немигающим взглядом.

– Работаем, Игнатий Филиппович, – вздохнул я. – В горе, без радости.

– Незаметно, товарищ капитан...

Горячий пар от меня действительно не шел. Я пожал плечами.

– А что вы хотите? Чтобы мы носились по полям, вырабатывая ресурс?

– Остряк... – Шеф фыркнул, снова задумался и принялся барабанить толстым пальцем по столу. Он делал это долго, методично, но я был спокоен, как баобаб. Не тот нервный, кто барабанит по столу, а тот, кого это раздражает.

– Знаете, Игнатий Филиппович, – признался я, когда молчание непристойно затянулось, – меня сегодня и без вас по-

тряхивает.

– Лихорадка? – подыграл шеф.

– Прокуратура. Обычный труп, а все начальство явилось строем. Словно президента замочили. Каморин волнуется, вы волнуетесь... Пять минут назад звонил ваш зам Кудыкин – тоже волнуется. Спрашивает, не нашли ли мы еще убийцу? Когда я коротко и ясно объяснил, что нет, он возмутился и стал орать, что уголовный розыск совсем не работает.

– К черту Кудыкина, – раздраженно отмахнулся шеф. – Лезет, куда не просят, к каждой бочке затычка...

– Знаю, – пожал я плечами, – судьба подкинула вам уникального заместителя. Бывают дураки круглые, а Кудыкин – дурак многогранный.

Истина известная: дураков у нас, может, и немного, но расставлены они так грамотно, что всюду на них натыкаешься.

Неваляев поморщился.

– Перестань, у Кудыкина тесть работает в администрации. Почему нам, думаешь, привезли компьютер?

– Очень ценное приобретение, – согласился я, – а то Изольде уже надоело самой с собой дуться в «крестики-нолики». Людей бы лучше в отдел добавили, преступления, знаете ли, некому раскрывать... Вот вы сейчас зачем меня позвали?

– Правильно, – не удержался от улыбки Неваляев. – Как у вас с убийством Погорельских?

– Прекрасно, – подбоchenился я. – Хотя завтра передавай следователю. Осталось уточнить некоторые детали...

– Там и уточнят, – обрадовался Неваляев. – Отдавай в прокуратуру, а то совсем обленились.

– Не больно-то это здорово, Игнатий Филиппович... – пробормотал я.

– А нам не надо, чтобы было здорово! – гаркнул шеф. – Нам надо, чтобы было правильно! Убийца, как я понимаю, найден? Вариантов нет?

– Убийца с гарантией, – заверил я.

Семью Погорельских – Анну и Сергея, молодого верстальщика из типографии и сотрудницу ветеринарного контроля – прирезал неделю назад ревнивый Лапиков, коллега покойной, так и не смирясь, что Анна вышла замуж за другого. Вылил в глотку граммов семьсот денатурированной водки, вооружился обрезанным кайлом и отправился в гости – выяснять причину и подоплеку коварного поведения. Трупы были обезображены, вопли убиваемых разносились по всей улице Лазаренко. Жили счастливо и умерли в один день. Но самое смешное, что искать убийцу пришлось четверо суток – изувера никто не видел. Ушел через заднюю калитку, избавился от одежды. Когда за паршивцем пришли, он заперся в сарае, швырялся всем, что было под рукой, и кричал, что придет за нами с небес, дабы знали, с чего начинается ад. С какого перепоя ему пришло в голову, что он отправится на небеса, непонятно. С отбитыми почками, но, в принципе,

живой гражданин Лапиков сидел в следственном изоляторе и третий день жаловался на «суку-любовь».

– Меня тревожит убийство на Комсомольской, Артем, – неохотно признался начальник. – Постарайся форсировать расследование. Этот тип здесь что-то вынюхивал, и мне это решительно не нравится.

– А что здесь можно вынюхивать? – не понял я. – Секреты народного промысла? Технологию изготовления новой консервной банки?

– Вот именно, – согласился шеф. – Но вахтер из мехколонны еще в пятницу рассказывал наряду ППС, что какой-то хмырь полдня бродил вдоль забора и следил за проходной. Прилично одет, рожа интеллигентная. Сегодня его вниманию предложили фото мертвеца. Представь себе, узнал...

– А что у нас на мехколонне?

– Ни-че-го, – по слогам вымолвил Неваляев. – Два месяца не выдавали зарплату – пить уже мужикам не на что! Опять политуры натрескались – трое в больнице, сутки с того света извлекали...

Я внимательно смотрел на своего шефа и испытывал сложные чувства. Кожа у Неваляева толстая, мысли прочесть невозможно. Мужик неглупый, себе на уме – понимает, чего хочет. Стоит ли ломать голову раньше времени?

– Разберемся, Игнатий Филиппович, – я шутливо отдал честь и тактично осведомился. – Разрешите проваливать с богом?

– Проваливай, – махнул рукой Неваляев.

На лестнице меня перехватил его зам Кудыкин – гладкокожее лоснящееся животное в звании майора – и принял-ся распекать: за неуставной внешний вид, за игнорирование старших по званию, разболтанность, излишний демократизм в отношении к подчиненным, которые пьют уже практически на работе и ни хрена другого не делают...

– А вот здесь, пожалуйста, поясните, товарищ майор, – перебил я. – Где, когда и какого именно «ни хрена» мы не делаем.

– Он еще спрашивает! – чуть не задохнулся Кудыкин. – Полдня прошло, а воз и ныне там! Я требую через полчаса итоги предварительного расследования по убийству Гарбу-са, и учтите, капитан, если вы мне не доложите чего-нибудь вразумительного...

– Какого еще убийства? – рассмеялся я. – Во-первых, вам не мешало бы подучиться грамоте, товарищ майор. Где вы видели заключение медэксперта, что гражданин Гарбус скончался не своей смертью? Будет заключение – будут и крики. А во-вторых... – я отодвинулся и стал рассматривать глуповатого зама, словно художник забракованный холст.

– Почему вы на меня так смотрите? – побагровел Кудыкин.

– Ассоциации выстраиваю, – объяснил я. – Вот, скажем, Неваляев Игнатий Филиппович представляется мне эдаким

мощным «КамАЗом», у которого сзади болтается пустое ведро. А вы, уж не обессудьте, товарищ майор, – общипанным котом, собравшимся перекусить электропровод.

И пока он негодуяюще хватался за воздух, я побежал дальше по лестнице. Не боялся я этого пустобреха из породы замполитов. Нет в мире такого наказания (помимо уголовного), которому можно подвергнуть капитана Богатова. Были у него уже все наказания...

Но мелкие неприятности эти бесы обеспечивали. По кабинету опергруппы расхаживал хмурый и раздраженный прокурор района Каморин. У подоконника мялся Венька Лиходеев и прятал за спину стакан с окурками. Крюгер сидел за рабочим столом и с миной мученика рассматривал крючок для люстры.

– Не доводите до греха моих людей, Игорь Витальевич, – пошутил я. – Они уже на грани суицида.

– Лишь бы не пили, – ухмыльнулся Каморин и тут же поменялся в лице. Пристально уставился на Крюгера, от которого исходил уже не запах перегара, а чего-то новенького, вылитого на старые дрожжи. – Даже не знаю, Артем Николаевич, достойны ли такие люди, как лейтенант Крюгер, служить в уголовном розыске...

Тот втянул голову в плечи и умоляюще посмотрел на меня.

– Достойны, не волнуйтесь, – сказал я. – В ходе пятничного задержания двойного убийцы Лапикова старший

лейтенант Крюгер рисковал жизнью и получил ранение. Он первым бросился обезоруживать обезумевшего преступника. Любой бы так поступил на его месте.

– Вы имеете в виду... самоотверженный поступок? – сглотнул прокурор.

– Нет, – покачал я головой, – выпивку после самоотверженного поступка.

Очевидно, прокурор был туговат на ухо – не слышал, как булькнул за спиной Венька. Убийца Лапиков оборонялся из сарая чем попало. А попала ему в тот день увесистая гвоздчатая доска, которой он и треснул Крюгера по черепу. Удар пришелся по касательной, но перепугался тот здорово. С воплем «Ну, держись, падла!» влетел в сарай, и когда мы не спеша подтянулись, чтобы снять сливки, уже выкручивал конечности хрипящему ничтожеству, попутно возя его мордой по полу.

– Ладно, чего уж там... – смутился прокурор. – Я все понимаю, ребята... Но постарайтесь все-таки не очень налегать на это дело. Ведь должны быть в нашем городке какие-то образцы для подражания...

Мы расслабились. «Образец для подражания» украдкой перевел дух и посмотрел на меня с благодарностью.

– Напомните фамилию последнего убитого, – задумчиво щелкнул пальцами Каморин, – Барбус?...

– Гарбус, – услужливо подсказал Крюгер.

– Барбус – аквариумная рыбка, – сказал Венька, – веселая

такая.

– Удалось что-нибудь выяснить? – Прокурор неодобрительно покосился на молодого.

Я перехватил недоумевающий взгляд Лиходеева. А этому, дескать, с какого перепуга?

– Рановато делать выводы, Игорь Витальевич, – осторожно сказал я. – Дождемся результатов вскрытия – тогда и сделаем. Если хотите, можете ознакомиться с протоколом допроса хозяйки дома Завьяловой.

– Знакомился уже, – пробормотал Каморин. – Странное это убийство... – Он как-то отрешенно уставился в окно. – Не помню, когда у нас последний раз убивали приезжих... Причем таких приезжих, о которых никто не знает.

Прокурор поправил форменный галстук, пожал плечами и убыл из кабинета оперативного отдела. Мы дружно посмотрели друг на друга и тоже пожали плечами.

– Крюгер, ты вылитый китаец, – рассмеялся Венька. – Расслабься. Кстати, вы знаете, мужики, что китайское правительство решило больше не помещать фотографии в паспортах своих граждан?

– Почему? – не понял Крюгер.

– А зачем?

– Это был анекдот, – на всякий случай пояснил я. До Крюгера сегодня могло и не дойти.

– Да понял я... – отмахнулся Крюгер.

– А теперь докладывайте, что нарыли, – перешел я к де-

лу. – И молодцы, что не стали говорить при Каморине. Пусть нервничают. Уж больно зацепило их это дело – ума не приложу почему...

– Этот тип действительно объявился в городе в прошлый понедельник, – начал Крюгер. – Приехал из Абахи на маршрутном такси. Примерно в полдень. Шофер его запомнил – мужчина неместный, явно городской. Джинсовый костюм, черная сумка с вещами килограммов на пять. При расчете выложил стольник, отказался от сдачи. Хохотнул еще: а где тут у вас район ста баксов? Водитель не понял – да нет, говорит, такого района. А тот совсем развеселился: ну как же, говорит, мне еще сказали, девочки тут у вас хорошие, в районе ста баксов... Анекдот, словом. А потом спросил у водителя, где можно снять приличное жилье. Шоферуга, собственно, и отправил его на Комсомольскую – к Завьяловой Валентине Васильевне – она его двоюродная тетка.

– Во как? – удивился Венька.

– Прямо так и отправил? – поразился я. – Не зная, что за человек, с какими планами, какую сумму готов заплатить?

– Про сумму разговор был, – напряг извилины Крюгер. – А что такого? Приличный мужчина, а у тетки жилплощадь – хоть эскадрон на постой ставь, и с деньгами как раз не очень.

– И это все? – на всякий случай уточнил я.

– Все, – скорбно кивнул Крюгер.

Могло быть и больше. Хотя могло быть и меньше. На автостанции Крюгер и раздобыл дешевого «мерзавчика», аро-

матом которого мы сейчас наслаждались. Несчастное творение – наш Александр Рудольфович. Не всегда он был таким распущенным. Четыре года назад его любимая жена угодила в лапы сексуальному маньяку, которого ловили по всему району. Крюгер тоже ловил. И в июльский вечер заработался допоздна. У маньяка была привычка – перед изнасилованием завязывать женщинам глаза. Такой и нашли ее в кустах у дома – голова обмотана скотчем, без сознания, дыхание чуть-чуть. В больнице разыгрался приступ стенокардии, до рассвета не дожила. Через год он опять женился – на симпатичной разведенке. Дом у Крюгера отменный, просторный. С женой вот только не повезло – изменяла ему Нинель во все стороны, о чем старший лейтенант, будучи неплохим ментом, прекрасно знал, но ни разу не принял меры, находя утешение в другой сфере удовольствий...

– У тебя что? – кивнул я Лиходееву.

– Кое-что есть, – небрежно отозвался Венька, хотя по физиономии было видно, что парня распирает от желания похвастаться. – Кроме паспорта с кемеровской пропиской, никаких документов при трупe не было. Я связался с паспортным столом города Кемерова – отфутболили в районный стол. Действительно, имеется такой – Гарбус Аркадий Константинович, приметы совпадают. «Private detective. Investigations».

– Чего-чего?

– Частный детектив, тундра.

– К тому и шло, – фыркнул Крюгер.

– Ловко ты его раскрутил, Венька, – похвалил я парня. – Сыскное бюро?

– Не совсем. Одиночка. Нет, имеется, конечно, название: «Сыскное агентство «Плутон», но весь штат – Гарбус и секретарша. Возможны приходящие помощники, бухгалтер, но о них история умалчивает. Мне удалось дозвониться до агентства, поговорить с секретаршей. Я не стал ходить вокруг да около, бухнул как есть. Баба в слезы – то есть отношения там, похоже, складывались не всегда рабочие.

– Сообщила что-нибудь?

– О цели поездки Гарбус секретаршу в известность не ставил. Сказал, что обещал клиенту хранить тайну. Имени клиента она не знает, зачем подался шеф в Саяны – тоже. С работодателем в конторе не встречался. Обычное деликатное дело, в которых Аркадий Константинович – дока. Но сумма, как поведал по секрету женщине, впечатляющая и достойная, чтобы развеяться на природе недельку-другую. Это все, Артем Николаевич.

Несколько минут мы осмысливали сказанное, потом зазвонил телефон, и добродушный Павел Валерьянович с растяжкой отчитался:

– А ведь действительно умертвили твоего покойника, Артем. Сильный яд. Письменное заключение позднее, и с названием заразы – пока проблема. Но это не рицин, не К-2, не дигитоксин и не радиоактивный таллий. А также не их

производные и первообразные. Мощный яд растительного происхождения. Мгновенный паралич дыхательных путей. Огромная концентрация, распасться в организме не успел. Так что, извини, прикончили вашего красавчика.

– Ты уверен, что он не мог принять яд случайно?

– В продуктах, присутствующих на столе, в холодильнике и вообще в доме ничего такого не было, – пояснил эксперт с убивающей простотой. – Яд исчез. Его унесли. Впрочем, не буду отнимать ваш хлеб, решайте сами.

– Спасибо, Павел Валерьянович, – поблагодарил я и повесил трубку. Обвел глазами подчиненных. Они молчали. Тоскливо как-то становилось на душе.

Глава вторая

Не скажу, что, подобно Крюгеру, я погряз в пьянстве, но не смог бы в этот вечер рассуждать здраво и трезво одновременно. Из райотдела я ушел в восьмом часу, выгнал со стоянки «шестерку» 90-го года, которую за бесценок приобрел у местного автослесаря на второй день провинциальной жизни. Трясся переулками до Тальниковой, за квартал до хибары завернул в гастроном – купить пропитания. Тоскливо бродил вдоль витрин, пробивая цены. Сплошные рыбные «деликатесы» и бульонный кубизм. Насыщаемость прилавков в этой стране прямо пропорциональна уровню зарплаты в том районе, где находится прилавок. Доходы населения в хакасской глуши – достойны реквиема. А с тех пор как прокатилась волна курино-гусиного геноцида, брать вообще стало нечего. Я приобрел бутылку белого вина, ржаной хлеб, селедку в майонезе (к белому вину). Продавщица – симпатичная хакаска – стрельнула глазками: приходи, мол, как стемнеет. Я изобразил, до какой степени я сегодня импотент, поволок приобретения в машину. Помучился с разболтанной дверцей (в российских автомобилях есть три положения двери: «открыто», «закрыто» и «не закрыто»), добрался до ворот своего белокаменного особняка...

Селедку я по-братски разделил с котом, а когда он налопался и, сыто урча, поволокся на нашу общую подушку, дол-

го сидел за столом, попивая вино. Наблюдал, как шевелятся в сумерках тяжелые тучи, похожие на клубы заводского дыма, а на юге проступают очертания гор со срезанными вершинами. О работе не думалось. Мелькали картинки из прошлого, воспоминания, подогретые вином, сливались с воображаемыми событиями, участником которых я мог бы стать, но не стал. Прикончив бутылку, я подался на крыльцо, курил, прислонясь к перилам, наслаждался ароматами сорняков.

У соседей скрипнула дверца, из сарая вышла Людмила, дородная женщина с охапкой скрученных матрасов, приветливо кивнула. Мужик опять наклюкался и ночевать будет не в супружеской кровати, а под крыльцом. Многострадальная русская женщина: и лошадь, и бык, и баба, и мужик. Тащит на себе хозяйство, а мужик — алкаш, четыре месяца на фабрике зарплату не получает, зато на самогонку всегда двадцатку находит, да еще к жене относится, как к домашней живности. Хоть бы сдох побыстрее... В прошлом месяце я не выдержал, махнул через ограду, разукрасил под хохлому и пообещал, что в следующий раз посажу и метелить его в камере будут другие. Людмила плакала, умоляла о снисхождении, пьянчужка что-то лопотал про адвоката, «влиятельных знакомых», каковых у него отродясь не бывало. Толку от этих «точечных» экзекуций? Все повально пьют и не хотят работать. Кабы не мизерные зарплаты, городок давно бы выбился в лидеры России по перепотреблению водки.

Пожалев о том, что не купил вторую бутылку (извечная русская беда, хотя и к лучшему), я вернулся в дом. Напевая: «Сложить свою голову в телеэкран и думать, что будешь умней...», сделал попытку включить телевизор. Вещание из Абакана плохое, сигнал неустойчивый, работают шесть каналов, смотреть нечего. Как всегда. Тяжелая жизнь россиян в шутках и куплетах. «Дом-2», который давно пора переделать в «Doom-2». Обгорелые трупы жителей Багдада, воронка от бомбы, испуганные уверения штатовских военных, что они не виноваты. Это чудо из Белого дома доломает-таки глобус... Ответственный чиновник выдавливал из себя что-то нескладное, начиная фразу с восхитительного: «Э-ээээ... естественно, значит, конечно...» По остальным каналам свирепствовали рекламы, предлагая шампуни, суррогатные соки, пояса для похудения, буржуинские тачки (управляй мечтой, превосходя ожидания, все такое). Стартовали новости из Абакана. Обычные новости. Деловито, элегантно, минус достоверность. В наше время тележрецам удается соблюсти баланс между чернухой и созиданием новой жизни.

– А теперь из разряда курьезов, – мило улыбнулась сексапильная ведущая. – Снова поступили сообщения о странном существе, якобы обитающем на юге нашей республики. Туристическая база «Белые зори», расположенная на востоке Алымшанского кряжа – в трех километрах севернее райцентра Рыдалов. Это уже третье сообщение за последние полгода. Вчера вечером двое отдыхающих из Новокузнецка – они

не стали задерживаться на базе – по их уверению, наблюдали следующую картину. Существо в лохмотьях, высокого роста, с обросшим лицом...

Я выключил телевизор. О существе мы уже слышали – неоднократно. Станный способ привлечь отдыхающих на хиреющую базу. Только отвращает, как и большинство рекламных поделок: может, и купил бы товар, никто не говорит, что он плохой, но после такой тошнотворной рекламы...

Впрочем, всякое бывает. Мистическим загадкам нет числа. Озеро, например – в Нижегородской области, под названием Безымянное – громко хлопнуло и исчезло. Напрочь. И рыбки дохлой не осталось. Диаметр водоема был метров тридцать, глубина – пятнадцать. Смылось куда-то.

Побродив из угла в угол, я позвонил Крюгеру, не подумав, что совершаю глупость.

– Смешной ты, Артем, – усталым голосом поведала Нинель, вторая жена оперативного работника. – Пробки перегорели у твоего Крюгера. Он с работы пришел уже хорошенький. Спит, даже ужинать не стал...

– Хорошо, хоть дошел, – вздохнул я. – На сердце не жаловался?

– Да на что он только не жаловался! Плакал, ныл, стонал...

– «Стонал» и «ныл» – одно и то же, – машинально буркнул я. – Только стонут по уважительной причине.

– Ты такой грамотный, Артем, – восхитилась Нинель, – сразу видно, образованный городской человек. Слушай... –

я насторожился – последнее слово она произнесла с придыханием, – а ты чем сейчас занимаешься? Ну, если не секрет, конечно...

Я представил, как под одеждой у измученной замужеством бабы начинает все вздыматься и бродить. А от мужа толку, как от белой горячки. Проблемы у него с неприличным словом. Чтобы избавить себя от аналогичного брожения, я сделал глубокий вдох и на несколько секунд отодвинул трубку от уха.

– Да так, Нинель, хозяйничаю, спать пойду скоро...

– Завидую твоей будущей жене, – вздохнула Нинель. – Ты же у нас безалкоголик. Хотя знаешь, Артем, не все еще потерян. Никогда не поздно начать пить... Слушай, я этого хмыря не могу даже до постели доволочь! Уснул под умывалкой – и ни туда, и ни сюда...

– А ты его пни.

– Пинала.

– И какова реакция?

– Положительная. Ругается, в глаз норовит двинуть. Подниматься не хочет. Послушай, Артем, – решила Нинель и снова в бархатистом голоске зазвучали эротичные нотки, – тебе там не одиноко?

– Одиноко, – признался я. Мне всегда одиноко.

– Приезжай, положишь его на диван. А потом мы с тобой... чай попьем.

– Извини, Нинель, – вздохнул я, – ты же умная женщина.

А я не хочу потом доказывать себе, что я не последняя сволочь. Не получится у нас с тобой. Да и знаешь, лечить одиночество подобным способом – то же самое, что водкой – алкоголизм.

– Ладно, не извиняйся. – Нинель не обиделась, хотя и погрузнела. – Не нашел еще никого, Артем?

– Не нашел.

– Ищи.

– Буду.

Я положил трубку и печально подумал: хотите перемен в жизни? Переставьте двадцать семь предметов в доме. Так в Китае советуют. Красивое правило. Если наберется у вас в доме двадцать семь предметов...

Лишь однажды в этом городке мне на голову свалился секс. Яна Владимировна Островская – младший лейтенант милиции – пришла ко мне на второй день знакомства. Мы работали в одном отделе, но это не помешало ей сорвать с себя одежды и повалить меня на диван. После исполнения короткой программы она ушла – пошатываясь, сыто улыбаясь. А потом... кажется, поняла. Четыре года я работал начальником отдела собственной безопасности в РУВД большого сибирского города. Отправил за решетку начальника криминальной милиции, вплотную подбирался к обнаглевшим наркоментам. В один прекрасный день ОМОН ворвался ко мне в квартиру и неоригинально извлек с антресоли мешочек с героином. Подстраховаться я успел, и над началь-

ством ОБН завис дамоклов меч разоблачения. Я вышел на свободу. Но мешочек с антресолей не давал мне покоя ни днем, ни ночью. Не могли вторгшиеся маски его туда засунуть. Все происходило у меня на глазах! К их визиту героин уже лежал на антресолях. Я отказывался верить в очевидное. Но через день Ирина, с которой мы прожили полтора года, сама ушла из дома. А сутки спустя я обнаружил ее в постели плейбоя, назначенного рулить криминальной милицией вместо того, которого я посадил. Эта банда была неистребима, мимикрировала подо что угодно, и моя Ирина оказалась во всем этом замешана – та самая женщина, которую я боготворил и любил больше жизни...

Рана не зарастала. Я пил по-черному. Лишился квартиры, обрел взамен ветхую комнату в сталинском доме. Отдел собственной безопасности расформировали, сотрудников разбросали по райотделам. «Ты знаешь, что такое Саяны?» – спросил однажды начальник управления полковник Стриж. «Вода такая, – буркнул, – и горы, кажется». «Причем недалеко, – согласился полковник. – Выбирай, Артем, – либо едешь начальником уголовного розыска в курортный... хм, городок – там как раз образовалась вакансия, – либо прямым ходом в психушку. Поверь, там тебя встретят с распростертыми объятиями. А Саяны – единственное, что я могу для тебя сделать: тамошний «шериф» Неваляев – мой старый боевой товарищ и неплохой мужик».

В психбольницу мне почему-то не хотелось. Умеют в на-

ших широтах избавляться от неудобных...

Телефонный звонок посреди ночи прозвучал, как взрыв над Хиросимой. Я схватился за будильник, слетел с кровати, потащился к тумбочке, наступая на кота, который тоже хотел знать, что происходит, и вообще, поставил целью своей жизни свернуть мне шею.

Я так и чувствовал, что назревает культмассовое мероприятие.

– Артем! – Невалев был взволнован, голос вибрировал и царапал ухо. – Живо ноги в брюки! Десять минут назад из закрытого блока психоневрологического диспансера сбежали Сивохин и Хрипач! Ваша клиентура?

– Наша... – растерялся я. Вот так фокус.

– Взломали замок, ушли через заднее крыльцо, охранника приласкали поленом, отобрали карабин... Свистнули фургон на КПП... У этих военизированных придурков хватило ума помчаться за ними на «Жигулях». Докладывают, что те рванули на Аркалы – а там кругом тайга... Охранники пробили им шины, те повытряхивались – и в лес. Одному из парней прострелили ногу, другой – подвернул. Сидят теперь на обочине и ждут помощи. Далеко не уйдут, Артем, непролазно там... В общем, ваших уже собирают, даже Крюгера, жди, сейчас за тобой заедут. Четверо сержантов из постовой, плюс ваш отдел – больше никого. Обуйся соответственно – там не паркет...

– Так пусть милиция и ловит, – возмутился я. – Операм, что ли, по тайге лазить?

– А ну цыц! – заорал Неваляев. – Едрить тебя в качель, Богатов! Кто лучше вас знает их повадки?

Тут наш шеф, к сожалению, прав. Клиенты – не из тех, что маются по психушкам с изысканным фамильным безумием. Обоих взяли в Убей-Поле месяц назад – с пальбой, фейерверком. Оба проходили психиатрическую экспертизу в закрытом блоке. Недавно освободившийся Хрипач прибыл к бывшей сожительнице и сильно осерчал, застав ее с хахалем. Хахаль прыгнул в форточку и кликнул ментов, а пока те чесались, Хрипач в капусту рубил сожительницу. То, что осталось от женщины тридцати восьми лет, наводило на некоторые сомнения в душевной вменяемости преступника. Сивохин «мигрировал» в Рыдалов из Абахи, где его ловили полгода и даже окрестили «абахинским душегубом». Этот вурдалак специализировался на одиноких мамах с малолетними детьми, проживающих в частном секторе. Выслеживал, вкрадывался в дом посреди ночи, мамашам резал горла, а над детьми надругался с нечеловеческой жестокостью. После трех эпизодов стало ясно, что работает один маньяк, определился почерк, случайные очевидцы нарисовали пару примет, и милиция наконец взялась за дело. Понимая, что гулять на воле остается недолго, Сивохин рванул в Рыдалов, где его и повязали на второй день. И Хрипача, и Сивохина раскололи, как тыкву, дело передали в суд, для порядка на-

значили экспертизу...

Эта ночь навсегда останется в памяти. «Рафик» прыгал по колдобинам. Мы неслись на запад от Рыдалова – в Аркалы, до которых было верст сорок с гаком. Водитель берег генератор – свет в салоне не включал. Но уже наступал рассвет, вырисовывая хмурые лица милиционеров, возбужденно дышащего Веньку Лиходеева, растянувшегося на заднем сиденье Крюгера, у которого карман отвисал, как печень у алкоголика.

– Тебя-то, Крюгер, за что привлекли? – по привычке подкалывал сослуживца Венька.

– А х-хрен его знает... – бормотал Крюгер, для которого шесть часов сна были что слону дробина. – З-за задницу, з-за что же еще... Нинель н-не разобралась, а этот М-мухтар – с-сержант Артюхов – к-как поволок меня в машину... я, ей-богу, м-мужики, ни х-хрена не соображал...

– А ты в кармане поройся, – подсказал я. – Пьешь без памяти, а дело знаешь.

– Т-точно, – обрадовался опер, полез в боковой карман, и через несколько секунд целебная жидкость заструилась из фляжки в горло.

– Сивуха, – брезгливо морщился Венька.

– Сам ты сивуха, – обиделся Крюгер, обретая способность связывать слова. – Между прочим, непутевые коллеги, это достойный дагестанский коньяк, который вы в Рыдалове не найдете ни за какие деньги. Используется в исключительных

случаях.

– У нас такая большая зарплата? – не понял Венька.

– Послушайте, юноша, – в голосе Крюгера зазвучали менторские нотки, – что вы понимаете в красивой жизни? Вот почему, по-вашему, Лев Толстой всегда ходил в рубахе и лаптях?

– Почему? – спросил Венька.

– А потому что обожал хороший коньяк, дорогие сигары и красивых девочек.

Засмеялись все, даже водитель.

К месту старта таежной гонки мы прибыли минут через десять. Я уже подозревал, что командовать парадом придется мне. Первым выскочил из машины. Часы показывали четыре двадцать восемь, до рассвета еще дожить надо, но тайгу уже опутывала предутренняя хмарь. Пока проведем «переключку», поставим задачу – пройдет еще минут десять, фонари не понадобятся. Дорогу украшал утрамбованный мордой в кювет фургон, на соседней обочине загорала заглохшая «Нива», а в кустах по левую руку что-то шевелилось – милиционеры, не особо проявляя галантность, выкорчевывали из зарослей обезноженных охранников психушки.

– Туда они пошли, – дружно показали охранники на юг. – Двое их, точно. Вооружены одним карабином.

– Слышь, старшой, – просипел Артюхов, собирая своих подчиненных, – повествуй, чего делать, а то прохладно здесь чего-то.

– Артем, эти уроды в тайге не выживут, – поучал меня очнувшийся Крюгер. – Залягут где-нибудь. В землю зароятся.

– Зимовье здесь старое – в четырех верстах, – вспомнил тощенький милиционер. – Когда я маленький был, мы с баткой сюда за лисой ездили. Точно помню – версты четыре.

– Нет там зимовья, – возразил другой милиционер, – на хрена оно тут нужно? Зверья в округе с гулькин хрен осталось. Старик Савельев – он работал у нас в гараже – пасеку себе завел, мед бочками производит, а старуха его на автостанции продает.

– Туда и пойдем, – согласился я. – Артюхов, давай своих головорезов на фланги, а мы с ребятами – по центру. Да не валить толпой – рассредоточиться.

– А как рассредоточиться? – икнул не сведущий в тактических действиях лопоухий патрульный.

– Побатальонно! – зарычал я. – Пошли, пошли... Да осторожнее, мужики, нужно сделать все, чтобы не обнаружить свои трупы в новостях. Об опасности предупреждаем выстрелами в воздух. Можно на поражение...

– Нужно на поражение, – проворчал Лиходеев.

До опушки мы не добежали, в поле зрения появился еще один участник экспедиции. Подержанный «Москвич» ткнулся в хвост заглохшей «Ниве», появилось тело, отделилось от машины и не очень твердо поплыло наперерез. В предрассветной мгле проступали очертания фигуры. Неплохие, надо признаться, очертания.

– Мать честная, – ахнул Крюгер, – в наших краях объявилась медведица-шатун!

– Которой не дает уснуть медведь-храпун, – ворчливо отозвался женский голос. Силуэт «пополнения» стал отчетлив и приятен.

– Яна Владимировна, – ужаснулся я. – Прошу прощения, вы часом не сбрендили? У вас аппендицит, вас вчера из больницы выписали, вас только постельный режим спасет от глупой смерти. Янка, а ну брысь отсюда!

– Вот-вот, – подсюсюкнул Венька, – настоятельно рекомендуем вам, Яна Владимировна, пойти на хрен.

– Да ладно, не парьтесь, ребята, – отмахнулась Янка, худая рыжая девица с курносым носиком, обмазанным веснушками, и короткой прической «под бобра». – Не буду вам сильно мешать.

– С бабой веселее, – рассудительно заметил один из сержантов. – И на подвиги опять же не так тоскливо...

– Откуда вы, Яна Владимировна? У вас открылся дар предвидения по причине неизлечимой болезни? – почтиительно справился Лиходеев. Он всегда обращался на «вы» к украшению нашего отдела – поскольку младше Янки на восемь лет.

– Кудыкин позвонил, – с убивающей простотой объяснила девица. – Разбудил среди ночи и поинтересовался, не желаю ли я принять участие в поисках сбежавших преступников.

– Сволочь! – заорал я. – Придушу гада! Сам-то перетру-

сил, мерзавец, не поехал! Вот бы его мордой в эту гребаную тайгу!!!

Злоба душила и не давала взвешенно оценивать ситуацию. Почему за ляпы бездарей должны отдуваться невиновные? Мы рвались через дремучий лес, буксуя в залежах бурелома, проклиная судьбу и тупое начальство, ожидая выстрела в живот из-под каждой коряги. Выискивали следы бегущих преступников, с чем гораздо увереннее и грамотнее справились бы поисковые собаки, о доставке которых из Абахи, разумеется, никто не подумал.

– Артем, смотри! – По недосмотру вырвавшаяся вперед Янка вдруг присела, стала разгребать свалившуюся листву. Обнажилась выемка с топкой грязью и отпечатком сапога сорок второго размера.

– Откуда у этих ублюдков сапоги? – пробормотал Венька, расталкивая нас и жадно всматриваясь в находку.

– Сняли с охранника, пораженного поленом, – догадался я. – А второй так и бежит в больничной обуви. В лучшем случае это кроссовки.

– Островская, уйди в тыл! – схватил Крюгер за воротник Янку и чуть не пинком спровадил в куст волчьего лыка. Вместо благодарности. А сам рванулся вперед, сжимая фляжку, как божий стяг...

План действий можно было не озвучивать. Преступники измотаны, у них гудят ноги. Бегут из последних сил, причем оба – один истер ходули до кровавых мозолей (попробуйте

побегать по тайге в чужой обуви), другой – отбил и расцарапал. Но оба коварны и изобретательны. Им терять нечего. Будут отбиваться. И бегут они, кстати, на бывшую охотничью заимку...

Лес редел, расступались кудлатые осины с позолотой листвы, еловый молодняк, кусты, усыпанные съедобной и не очень ягодой. Вновь зачавкало под ногами. Образовалась просека, по которой несколько дней назад проехала машина: дожди не размыли радиальный узор протектора. Обрыв в пару метров высотой, его обтекали с двух сторон заваленные камнями тропы. За стволами проглядывал бревенчатый сруб, крыша, обитая брусом. Навес с дровами, колодец, обмазанная глиной печка, умывальник с отбитой эмалью... Я лежал за лишаистой кочкой, в двух шагах от крошечного водоема, заросшего зеленой тиной (странные метаморфозы русского языка, но такая тина испокон веков называется шмарой). Капля росы каталась в чашке кожистого растения. Птица чирикала над головой в густой листве. Из дома показался мужик преклонного возраста – в ватных штанах, стеганой жилетке, куртка из болоньи поверх жилетки, наполовину лысый. Набрал охапку дров, покосился по сторонам, засеменял обратно. На пороге споткнулся, но удержал свою ношу, поднялся с колена, исчез в недрах избушки. Я завозил локтями, выбираясь на поляну. Напрасно упыри позволили этому персонажу выйти из дома... На флангах шевелились кусты –

коллеги выдвигались на исходные позиции. Я скатился в низинку и под изогнутым деревцем, разбитым молнией, нашел еще один отпечаток кирзухи. Носок направлен точно на заимку. А ведь решили замаскироваться, уроды... Я подал знак смышленому Лиходееву. Венька утер рукавом сопли, кивнул – не глупее, мол, других, уполз под куст, шурша листвой. Я снял «макарова» с предохранителя и первым выдвинулся на тропу, практически не сомневаясь в грядущих успехах...

Зимовье перестраивали, утепляли, забивали паклей щели, но контуры избы изменений не претерпели – квадратный сруб, ступенька с дверью, оконце чуть более тюремного. На южной и западной сторонах как будто не было окон, но я очертил стволом квадрат, и Венька понял – кивнул, ныряя в крапиву. Я замер у крыльца, прижавшись к брусу. Пятисекундная медитация, сочетаемая с православной молитвой... бросился в дом, прочертив балетное па и впаявшись в груды составленных друг на друга тазиков.

– Ни с места, милиция!!!

Мужик отпрянул от печки – перепуганный, оглушенный. Перед моим появлением он укладывал в нее дрова. Кочерга вывалилась из рук, он попятился, опрокинув ведро.

– Дяденька, не шевелись, – посоветовал я. Быстро пробежался по заимке – сорвал шторку, за которой был топчан, покрытый шерстяным одеялом, глянул за печку, убедился в отсутствии лестницы на чердак. Венька с индейским воплем влетел в заимку – мстить за павшего товарища. Я подал знак

– не буюнь. Нетерпеливо повел стволом – выметайся. Венька пожал плечами и выгреб на улицу – озираясь, излучая жирный вопрос.

– Савельев? – мрачно спросил я.

Дядечка кивнул, отлипая от стены. Белый, как полотно, губы дрожали. Немного странно. Разве так должен реагировать на слово «милиция» человек, проработавший всю жизнь в системе МВД?

– Ребята, вы что? – сглотнув, поинтересовался хозяин.

– Простите, гражданин, – казенно отозвался я. – Рыдаловский уголовный розыск. Сбежали двое опасных преступников. Вы чужих не видели?

– Не видел, – лихорадочно замотал головой пенсионер. – Нет, товарищ, серьезно, я и своих-то не видел... Я рано встаю, если бы кого увидел...

– Да вы не волнуйтесь, я вам верю, – сказал я преувеличенно громко.

Мотивация старика, похоже, становилась понятной – на вешалке за телогрейкой висел черный плащ, который никак нельзя было назвать мужским. Пасечник жадно поедал меня глазами, причем одна половина мозга умоляла: уйди! Вторая слезно упрашивала: останься!

– Подпол есть? – спросил я.

Подумав, старик покачал головой. Я еще раз осмотрелся и оттянул стволом драный половик, лежащий посреди комнаты. Подпола не было. Тесанные рубанком, крашеные по-

ловицы.

— А на улице? — спросил я губами. Старик еще раз подумал и опять помотал головой.

— Извините, — сказал я. — Видимо, те, кого мы ищем, пробежали стороной. Еще раз извините, что напугали.

Дряблый подбородок задрожал, глаза наполнились слезами. Я приветливо улыбнулся и, сунув пистолет за пояс, вышел на крыльцо. Янка, сидящая за печкой, смотрела на меня с интересом. Венька рассеянно перебирал ногами вывалившиеся из поленницы чурбаки. В стороне трещали кусты — Крюгер проводил зачистку.

— Пошли, — сказал я. — Не было здесь вурдалаков.

— Ты уверен? — озадаченно почесала стволом переносицу Янка.

— Не было, — решительно заявил я. — Выдвигаемся, коллеги, время теряем, смоятся же, гады...

Мы добежали до кустов, ввалились в гущу ветвей и увядающей листвы. Я хлопнул ладонью по воздуху, давая понять, что прибыли. Дураками эти трое не были — не вникая в тонкости, сообразили, что предстоят интересные события. Я помчался обратно по широкой дуге, продрался сквозь кусты, зигзагами одолел участок редколесья и через минуту уже сидел за развесистой осиной метрах в тридцати от навеса с дровами. Имелся у старика Савельева погреб! Воровато озираясь, он выбрался из зимовья с мукой на заслуженно-милицейской физиономии, потрохал под навес, подтяги-

вая мотню. Согнувшись в три погибели, принялся отгребать разбросанные под поленницей дрова, по которым еще недавно топтался Венька. Обнажилось прибежище бесов – жестяная крышка погреба без выступающих элементов. Старик отодвинул крышку, что-то промямлил в подвальное нутро. Скрипнула лестница, полезла подземная нечисть. Красавчики те еще. Сивохин сверкнул «волчьей пастью» – у этой мрази стойкий комплекс к собственной внешности, – выкарабкался из погреба, оттолкнув старика, наладил ствол в пузо.

– Сымай куртец, дедуля, тебе он уже на хрен не нужен...

Савельев срывал пальцы, пуговицы не слушались. За Сивохиным, похабно скалясь, выбрался Хрипач – бритый череп со шрамом. Не сказать, что сильный, но прилично накачанный. И зачем такой нечисти в зоне оборудуют спортзалы? Он волок связанную женщину в ночной сорочке. Та мычала, жилы на висках надулись, побелели. Рот был замотан ветошью. В глазах у женщины стояли слезы, ночнушка порвалась – похоже, в подвале подонки неплохо проводили время.

Они вертели головами, щерились, нервно хихикали.

– И портки сымай, дедуля, – ткнул Сивохин старику в живот, отчего тот не устоял и упал на чурбак, вскрикнув от боли.

– И вообще тащи весь прикид, – ощерился Хрипач. – Дальняя дорога предстоит.

– Лишь бы не в казенный дом, – гоготнул Сивохин.

– И для телочки шкурки тащи, – бросил Хрипач, – не в

ночнушке же побежит.

– Пожалейте Эмму, парни... – взмолился старик. – Вы же обещали, что не тронете ее... Я милиции сказал: не видел вас – все как вы просили... Лучше меня возьмите...

Эмма замычала, задергалась. Старик метнулся к ней – Сивохин сделал подсечку, и доверчивый старец покатился по поляне, загибаясь от боли. Подонки гоготали. Я плавно надавил на спусковой крючок – «макаров» гавкнул. Берданку вырвало из клешни Сивохина, отбросило. Упырь схватился за ужаленную руку, затравленно завертел головой.

– Не двигаться! – рывкнул из-за дерева Крюгер. – Вы окружены!

– Вязало!!! – истошно завопил Сивохин.

Скачок – он помчался догонять карабин. Грохнуло со всех сторон. Беглец завертелся, как веретено, рухнул на колени, физиономия затряслась от страха. Матерно верещал Хрипач. Блеснул нож. Беглый прижал к себе женщину, слившись с ней в жутковатом танце, вдавил лезвие в горло и начал медленно отходить.

– Я пришью ее! – орал он на весь лес. – Не подходить, волки позорные, я пришью ее!!!

До ближайшего кустарника он худо-бедно добрался, но так орал, что не слышал шороха у себя за спиной. Венька выкатился колом, молодец парень. Взлетел, как на пружинке, рукоятью по башке, вывернул локоть. Мы с Сивохиным уже столкнулись – ахнула грудь, я схватил его за ворот,

коленом в пузо, швырнул на поленницу, которая тут же дрогнула и стала разваливаться. Складываясь, улеглась на землю женщина. Винтом пролетел Хрипач, пораженный каблуком в гребень подвздошной кости (которая над ягодицей), выронив нож, поднялся, отступил... и страх затопил расписанную шрамами физиономию – нога провалилась в погреб, он замахал руками, загремел, ломая лестницу.

– Ух ты, – восхищенно вымолвил Венька, осторожно приближаясь к краю. Вытянул шею. – Как низко пал...

Я выдернул Сивохина из разоренной поленницы. Он пустил пузыри, держался за живот и уже готов был выстрелить в меня залпом блевотины.

– В животе ураган, дружок? – злорадно осведомился я и прямым в переносицу отправил негодя в нокдаун.

Все.

– Аминь и аллилуйя, – жизнерадостно возвестил Венька, смыкая грязные ладони.

– Обошлось, – прокомментировал из куста Крюгер.

Подошла, держась за удаленный аппендицит, Янка.

– Умотали вы меня, мужики, болею я чего-то...

– Предупреждали вас, Яна Владимировна, – проворчал Венька. – Но нет, вы к каждой бочке затычка. Вам нужно постоянно контролировать мужиков, поскольку мужики тупые... Крюгер, вылезай из куста, в конце концов, ты же не бог, а мы не Моисеи.

– А я и отсюда могу погавкать, – огрызнулся Крюгер.

– А при чем тут бог? – не поняла Янка.

– Как? – сказал Венька. – Моисей. Человек, который знал короткую дорогу. Сейчас мы проведем маленький тест на «АйКью».

– А что такое «АйКью»? – спросил из куста Крюгер.

– Тест закончен, – вздохнул Венька.

Мы со стариком распутывали женщину.

– Вы уж простите меня, – шептал старик, делая просящие глаза. – Они сказали, что убьют Эмму, если я признаюсь вам, что они здесь... Я не мог... Она моя племянница, последняя родственница на этой земле...

– Нормально, мужик, – отмахнулся я. – Понимаем, не дураки. Одно непонятно – на что ты рассчитывал? На честное слово, данное истинными джентльменами?

Венька дважды выстрелил в воздух. Женщина вздрогнула, подтянула колени, машинально прикрывая прорехи в ночнушке.

– Не волнуйтесь, – сказал я. – Будем надеяться, что скоро сюда прибудет транспорт и люди в погонах.

Крюгер притащил из дома черный плащ, набросил женщине на плечи. У нее были большие голубые глаза, загорелые ноги. Тонкие сеточки в уголках глаз печально свидетельствовали о том, что время не стоит на месте.

– Они над вами надругались? – спросил я.

Она сглотнула и сделала попытку улыбнуться.

– Нет... Только пытались... Тот, что в шрамах, терзал свой

огрызкок, потом взбесился, по щеке меня ударил... Волновался сильно... А второй хоть и вел себя по-хамски... мне показалось, он боится женщин...

– Зато детей он не боится, – плюнула в скрюченного Сивохина Янка.

Я помог женщине подняться, отвел под березу, где у старика имелось «место для курения» – доска на двух пеньках.

– Мне кажется, я вас где-то видел, мэ... Не в клубной ли библиотеке? На вас еще очки были – такие большие, тяжелые... Ну, конечно, вы работаете в библиотеке..

– Работаю, – не стала она спорить. – А вы в последний раз взяли у меня трехтомник Рекса Стаута и не торопитесь возвращать.

– Не прочел еще, – смутился я. – Сами видите, чем приходится заниматься в свободное от работы время. Вы еще пытались навязать мне новый опус Олеси Рабской про жителей Рублевского шоссе – жутко интересно, особенно таежному обитателю. Вы так смешно уверяли, что в Москве это хит продаж номер один и на все Саяны дали только один экземпляр...

– Не сочиняйте, – она шутливо ударила меня по плечу (то есть, в принципе, очнулась). – Про единственный экземпляр я вам не говорила...

Прибыл «УАЗ»-микроавтобус, прибежали патрульные, довольные тем, что оказались не при делах. Беглецов загру-

зили в передвижной обезьянник, старик Савельев выразил желание остаться на пасеке (показания тщательным образом запротоколировали), остальные по морозящему дождю потянулись в Рыдалов...

Начальство смиростивилось – разрешило поспать до обеда. Но это никак не повлияло на мое желание обмотать Кудыкина вокруг стояка отопления. Я проводил Эмму до дома. Она проживала в одноэтажном двухквартирном строении. Яблоневый переулок выходил на Советскую улицу. Женщину лихорадило, она куталась в тонкий плащ и мою куртку без утеплителя. Много говорила, хотя и смущалась своей многословности. О том, как развелась с журналистом, страдающим творческими запоями (и запорами), перебралась из большого города в Рыдалов. Решение трудное и осознанное – убраться подальше от цивилизации, не думать о деньгах, изменить жизнь. О старике Савельеве, который сделал ей полдома, снабжает пчелиным творчеством (которое она терпеть не может) и норовит поделиться последним. Сегодня в библиотеке выходной, по приглашению родственника решила провести ночь в бору, вечером он ее привез, обещал на рассвете показать отличное грибное местечко в Коровьей балке...

– Выходной – это славно, Эмма, – притормозил я у калитки. – Выпейте чего-нибудь горячего, укройтесь одеялом и постарайтесь уснуть. А как проснетесь, никуда не ходите. Посмотрите сериал, а лучше несколько сериалов – уж с этим

добром у нас порядок. Забудьте про домашние дела.

Она кивнула, грустно улыбнулась.

— У вас кровь на виске запеклась, Артем. Пойдемте, я промою вашу боевую рану.

— Да надо ли? — засмутился я. — Мало вам потрясений?

— Невелико потрясение, — она взяла меня за рукав. — Пойдемте, Артем, не жеманьтесь. Вы сами ничего не сделаете со своей головой. Для того ли милиционеру голова, чтобы ее лечить?

Впоследствии выяснилось, что у «бесплатного спасателя» промокло все, и если немедленно не принять меры, то новогодняя кома начнется на четыре месяца раньше. Я уснул через два часа, закутанный в десяток одеял, умиротворенный, почти счастливый, а в подмышку сопела женщина с пепельными волосами, о которой я узнал, кажется, все...

Глава третья

Из объятий Морфея меня вытряхнул звонок сотового телефона.

– Куда, зачем? – сонно пробормотала Эмма, зарывая меня в одеяло.

– Не спится кому-то...

Я выбрался из-под вороха постельных принадлежностей, посмотрел на часы. Половина второго. За сушеной веточкой мимозы властвовал серый день, облака теснились в небе. Струйки дождя стекали по оконному стеклу. В левой части дома на повышенных тонах общались соседи.

Я добрался до брюк, валяющихся под кроватью, вернулся с телефоном.

– Слушаю...

– Здравия желаю, – приветствовал старшего по званию Венька Лиходеев.

– И тебе, – я откашлялся.

– Артем, ты знаешь, что ты не дома? Я даже догадываюсь, где ты. Редкий случай из жизни начальника уголовного розыска.

Я не успел ответить – он гнул дальше:

– Я тоже в постели, Артем. Хочется спать и забить на работу. Настя ворчит, что я никуда не пойду, что достаточно с нее последней ночи, когда она тряслась за меня и каждые

пять минут бегала к калитке, чтобы не прозевать доставку моего мертвого тела...

Эта речь напоминала демарш. Хорошая девушка Настя Ткаченко была Венькиной невестой, и, судя по всему, эта грустная история должна была рано или поздно завершиться свадьбой. Жили «молодые» в одной кровати. Знающие люди уверяли Веньку, что брак – не лучший способ сохранить и укрепить любовь, а женщина – самое таинственное на свете существо (поскольку никогда не знаешь, во сколько она тебе обойдется). Но все разговоры оставались разговорами. Жениться ему действительно было рано. Не вырос еще. И сам он всерьез считал, что детство никуда не уходит. В отличие от Анастасии, которая была старше жениха на три года и кое-что понимала в жизни. Например, то, что нужно мертвой хваткой держаться за парня, стабильно получающего зарплату (пусть и небольшую).

– Длинный пролог, Венька. Может, что-то случилось?

– Так точно, товарищ капитан. Вы потрясаяще идете от частного к общему. В общем, так, вылезайте из чужой постели и срочно дуйте по адресу: улица Лазаренко, 90, квартира восемь, где вас встретит труп и все объяснит. Я тоже приду – если Настя отпустит.

– Давай без выпендрежа, – закипел я.

– Ладно, – Венька сделался покладистым и печальным. – Невалев тебе звонил, но не на того напал. Тогда он позвонил мне, потому что боится звонить на сотовые, и сказал,

что по указанному адресу находится труп женщины и обстоятельства требуют изучения. Все это чем-то напоминает кончину гражданина Гарбуса...

Я затосковал и выронил трубку. Теплые руки обвили мою шею. Женщина приблизила губы к уху и горячо задышала.

– Тебя вызывают на работу?

– Халтурка появилась, – неохотно отозвался я. Спешить, ломая косяки, было некуда. Труп не испарится. А если испарится, то кто бы возражал. Через пять минут мне снова было хорошо, и мысль о перемене мест давалась с боем.

– Это не флинг, Артем? – спросила Эмма.

– Напомни, что такое флинг. Точно помню, что такое свинг. Когда одна семья приходит в гости к другой семье, затем подтягивается третья, и... время летит незаметно. Помогает сохранить доверие в отношениях...

– Секс на одну ночь.

– Нет, ни в коем случае. Во-первых, ночью мы ничем таким не занимались. Во-вторых, я обязательно загляну к тебе часов через восемь – если не возражаешь, конечно...

Я чмокнул Эмму в щеку и начал решительно собираться.

Дом по адресу Советская, 90, как и многие в этом городке, имел два этажа, облупленный фасад и три отдельных подъезда по четыре квартиры в каждом. Прежде чем войти во второй подъезд, я произвел кружок вокруг дома, делая мыслен-

ные фотографии. Мелкий дождик прогулке не препятствовал. Дом сравнительно старый, но добротный, две пожарные лестницы. Входы в подъезд обрамляли оградки, за которыми росли примитивные астры и что-то желтое, недоступное интеллекту. Тыльная сторона здания – крохотные, нарезанные квадратами огороды, предназначенные для выращивания картошки. Все, что выросло, уже выкопали (а то и съели) – осталась жухлая ботва и ямки с глиной. За огородами – шере́нга тополей, еще дальше – сараи, где жители дома хранят ненужный скраб. Полная тетка в колхозной фуфайке сгребала ботву на участке. Два деда – бывалые и сиделые, – сделав навес над сараем, разбирали лодочный мотор. С фасадной части здания народа было побольше – местные сплетницы шушукались у подъезда. Когда я проходил мимо, дружно замолчали и уставились на меня, жажда информации.

У двери в восьмую квартиру дежурил милиционер. Посторонился, пропуская знакомое лицо. Ни прессы, ни прокуратуры в квартире не было. Все свои. Кабы не труп – вполне доброжелательная семейная обстановка. Человек здесь проживал небедствующий. Не сказать, что квартира-люкс, забитая золотом и антиквариатом, но обои были новые (так называемая шелкография), на полу ламинат, плазменный телевизор с DVD-проигрывателем, музыкальный центр, «горка» с хрусталем. На плотном ковре лежал очередной мертвец с перекошенным лицом – лет пятидесяти, плотный, коротко стриженный.

Мой приход вызвал бурное оживление – как будто прибыл не начальник, а целый ящик коньяка с закуской из ресторана.

– Явился, красавчик, – хмыкнула Янка. – Ночует у первой встречной библиотечарши, а мы должны тянуть весь этот воз.

– Сияет, как начищенный барабан, – пробормотал похмельный Крюгер. – Ему до форточки ваша работа.

– Это называется преодоление кризиса среднего возраста, – сумничал начитанный Венька. – Поделитесь впечатлениями, Артем Николаевич?

Колдующий над телом Павел Валерьянович смешливо покосился в мою сторону и ничего не сказал.

– А теперь по делу, – скомандовал я.

– Мы тут полчаса уже по делу, – парировал Венька. – Грушницкий Алексей Васильевич, симптомы смерти те же, что у Гарбуса. Мощный я...

– Растительного происхождения, – перебил я. – Но экспертизы еще не было. И каким бы чудотворцем ни оказался Павел Валерьянович...

– Я не чудотворец, – быстро сказал эксперт. – Я даже учиться на эту хрень не буду. На пенсию пора. Но с первого взгляда все сходится, Артем.

– Кем работал потерпевший?

– Начальником мехколонны, – отчитался Крюгер. – На работу уже позвонили. Секретарша свалилась в обморок, трубку перехватил первый зам. Арсеньев. Что он мог сказать

непредвзятого о Грушницком? Талантливый руководитель, строгий, но справедливый, за пять лет вывел загибающееся предприятие в передовые. Зарплату два месяца не платят, но это издержки. Ни жены, ни детей. Пьянствовал редко... хотя, как говорится, метко. Окружающим беспокойств не доставлял. В общем, бука.

Я склонился над трупом и приподнял за обшлаг рубашки скрюченную руку. На запястье потерпевшего выделялись белесоватые пятна. Нормальному человеку они ни о чем бы не сказали – мало ли пятен на человеческом теле? Но у людей определенного рода занятий...

– Была татуировка. Вытравил – лет десять назад.

– А мы уже заметили, – улыбнулась Янка. – Как ни трави, а прошлое лезет. Четыре буквы: «БОСС».

– «Был осужден советским судом», – расшифровал Крюгер.

– Но это ни о чем не говорит, – возразил Венька. – Сорвался, оступился, отбыл и вышел на свободу с чистой совестью. Стал хорошим, уважаемым человеком. В этой стране половина населения сидела!

– Ну уж, – хмыкнул я. – Говори, да не заговаривайся. Кабы в этой стране половина населения сидела, у нас бы не было ни ментов, ни прокуроров. Наша система исправления преступников – уникальнейшая на планете. Если уж отсидел, то на всю жизнь... И попрошу вас, коллеги, обратить внимание на такой факт: гражданин Грушницкий работал начальни-

ком мехколонны – той самой мехколонны (а другой у нас нет), у которой весь день топтался покойный детектив Гарбус.

– Мы обратили, – сказал Венька.

– То есть связь напрашивается: детектив отслеживает гражданина Грушницкого, после чего оба погибают в страшных мучениях.

– Мог и не отслеживать, – возразил Крюгер. – Возможно, хотел перетереть с Грушницким.

– Не смей меня. Тайнственный клиент нанимает частного детектива, чтобы тот съездил за тридевять земель и перетер с начальником мехколонны?

– Все понятно, – отмахнулась Янка. – Основная версия следствия: детектив собирает сведения о начальнике мехколонны и сообщает их заказчику, который по стечению обстоятельств также оказывается в Рыдалове. Заказчик выслушивает, благодарит и устраняет детектива. Потом убийца топает к Грушницкому, имеет с ним беседу и отправляет вслед за Гарбусом. Поздравляю, коллеги, по Рыдалову шляется серийный убийца, и только дьяволу известно, что у него на уме.

– Зада-ачка, – почесал Лиходеев заросшую макушку. – Это вам, коллеги, не за психами по тайге бегать.

– А посетил он вашего покойника, я думаю, от часа ночи до трех, – подал голос Павел Валерьянович. – Дом уже спал. Поднялся на второй этаж, постучал, представился...

– Иначе говоря, теоретически можно отыскать тех, кто

что-то слышал, – заключил я. – Ну что ж, товарищи офицеры, распределяем задания...

Самое ответственное задание выпало мне – отправиться на рабочее место и выдержать удар начальства.

– Отлично, – пропыхтел багровеющий Неваляев. – Работаем так, что шуба заворачивается. Доблестные работники уголовного розыска без задних конечностей дрыхнут, а в это время кто-то планомерно сокращает численность городка.

– Не надо, Игнатий Филиппович, – с достоинством ответил я. – Работники уголовного розыска не дрыхли, как вы выразились, без задних конечностей, а исправляли чью-то преступную халатность, возвращая за решетку особо опасных психов. И предупредили, кстати, два новых убийства.

– Не юли, Артем, – ядовито процедил начальник милиции. – Смерть Грушницкого наступила от часа до трех ночи, мне уже доложили. За психами вы побежали уже потом... Ладно, – Неваляев отшвырнул некстати попавшуюся под руку стопку бумаг, и те красиво разлетелись по кабинету. – С психами вы отличились в положительную сторону, претензий нет. Будет благодарность, возможно даже, прем... в смысле, грамота. Виновных в халатности накажут по всей строгости. Но вот за убийство Грушницкого... – шеф набычился, угрожающе заскрипело кресло.

– Извините, Игнатий Филиппович, мы не отдел профилактики преступлений. Провидцев в штате не держим. А по-

тому любой гражданин в любое время суток может замочить ближнего, и нам останется лишь отличиться в поисках этого гражданина. А если вас интересует фантастика, то советую посмотреть фильм «Особое мнение» – там успешно предотвращают замышляемые убийства.

Шеф смотрел на меня с нескрываемой злобой. Типичная ситуация: ищем справедливость, потом другую работу.

– Прикажете устранить социальную причину творящихся в стране безобразий? – нарывался я. – Покуситься на устои общества?

Шеф ценой усилий взял себя в руки. Скрипнул зубами и отмахнулся, как от мухи:

– Ладно, иди работать. – И на прощание подколот: – Говорят, ты нашел себе девушку, Артем? Уж постарайся сделать так, чтобы работа не мешала личной жизни, хорошо?

Я с ожесточением хлопнул дверью. Такова уж особенность мелких городков – слухи носятся с космической быстротой. Что и подтвердила секретарша Изольда, сидящая у гудящего компьютера и меланхолично красящая ресницы.

– В нашем городке произошло печальное событие, Артем Николаевич, – она с укором поглядела на меня и хлопнула ресницами. – Такой представительный мужчина и тронулся рассудком.

«На себя бы лучше посмотрела, – думал я, выгребая в коридор. – И некрашенная страшная, и накрашенная...»

Прокуратура обреталась в соседнем здании – напротив администрации и бронзового вождя. Я поднялся на второй этаж и распахнул обитую кожей дверь. В приемной произрастали домашние растения – на стенах, стеллажах, столах, подоконниках. Все свободные плоскости были заняты ванилочками, горшочками, кашпо, из которых тянулись триффиды, натертые специальным составом для глянца. Секретарша в зеленом платье рыхлила почву под бабочкообразным цветком. На фоне этих джунглей она почти не выделялась. Я сделал вид, что ее не заметил, и прошел в кабинет прокурора. Секретарша тоже сделала вид, что меня не заметила.

В обители Каморина не было растений. Худощавость и бледный вид хозяина кабинета с лихвой компенсировали упитанность генерального прокурора в рамочке и бодрый вид президента, о котором мы всегда думаем с большой теплотой.

– Я поражен, Игорь Витальевич, я действительно в шоке... – начал я паясничать с первой минуты появления. Почему я должен тратить рабочее время на объяснения с людьми, которые не являются моим начальством?

– Заткнись, – сказал прокурор и начал набивать курительную трубку табачным «ассорти» из жестяной баночки от китайского чая. Набил под завязку, стиснул чубук и стал раскуривать, переводя спичку за спичкой. – Давай без злобы и сарказма, – сказал он нормальным голосом, поднимая на меня тяжелый взгляд. – Всем понятно, вы дико устали. Я знаю про

ваши ночные скачки по тайге – блестящая операция, Артем. Обязательно накажем виновных. А до твоих амурных дел, – прокурор сделал паузу, отслеживая мою реакцию (а реакция была будь здоров), – лично мне нет никакого дела. Не бычься. Давай без эмоций, в двух словах – кто такой Грушницкий и что там, черт возьми, произошло. Мехколонна в шоке – руководитель был путевый. Почему вы связываете убийства Гарбуса и Грушницкого?

Я повествовал конкретно и сжато – сухим официальным языком.

– Люди работают в поте лица, – завершил я рассказ и поборол приступ зевоты.

Прокурорские очертания с трудом угадывались за седым дымом. Он сделал несколько пометок в блокноте и кожаной папкой разогнал дым. Долго молчал, созерцая пустую стену за моей спиной.

– Как к последним событиям относится Неваляев? – Я вздрогнул от странного вопроса.

– Без понимания, – пожал я плечами. – Согласитесь, Игорь Витальевич, в последних событиях нет ничего светлого и радостного. Можно я пойду работать?

– Иди, – вздохнул прокурор.

Я с радостью выскользнул за дверь и помчался кенгуриными прыжками из лона обеспечения законности.

Небо над городком заволкло беспросветно, дождь усилился. Из водосточной трубы лупило по асфальту – вода

разлеталась вдребезги. Бездомная собака съежилась под козырьком, тоскливо созерцала осеннюю слякоть. Добравшись до кабинета, я разложил дождевик на столе Крюгера, включил печку – «страшный сон пожарного инспектора», поколдовал над дремучей советской кофеваркой – дождался бурчания, приготовил чашку. Не за горами пять часов – теоретическое завершение рабочего дня, однако складывалось впечатление, что с работы я сегодня не уйду. Позвонила Янка:

– Знаешь, Артем, я сейчас нахожусь в морге, пьем чай с ребятами – они меня обучают, как вести себя в компании мертвеца. Вскрытие показало, что Грушницкого траванули тем же веществом, что и Гарбуса. Паралич дыхательных путей, мгновенная асфиксия, смерть.

– Название вещества определили?

– Пока еще нет. Не до того им, Артем. Четыре трупа вчера было – вроде некриминальные, но запарка...

– За Грушницким не приходили?

– Нет у него в Рыдалове родственников. Странно, да, Артем? Проработал много лет, уважаемый человек. А поплакать над телом некому. Слушай, я не буду сильно торопиться на работу, хорошо? Меня тут хором напрягают, что в моем интересном положении бегать нельзя...

Я повесил трубку и тоскливо уставился за окно. Дождь усиливался, молотил по карнизу. Хотелось умчаться с этой клятой работы, нарвать цветов на клумбе у райсовета, при-

бежать на Советскую улицу, постучать в дверь... Первая женщина за четыре с лишним месяца, которая заставила меня забыть хищный блеск Иришкиных глаз.

Вслед за Янкой позвонил Крюгер, сообщил заплетающим-ся голосом:

– Это я, многострадальная немецкая душа. Докладываю по порядку. Дактилоскописты утверждают – все найденные отпечатки пальцев в квартире принадлежат Грушницкому. Имеется парочка чужих, старых, полустертых, на всякий случай их забрали. Соседи по подъезду ничего не видели и не слышали. Подозрительных личностей возле дома не фиксировали. Эти люди странно устроены, Артем, – все хотят иметь информацию, но никто не хочет ею делиться. Скучный народец.

– Но своего ты добился, – упрекнул я. – Признайся, Крюгер, ты больше искал не преступников, а истину?

– Уверяю тебя, не увлекался. Исключительно пользы дела для. На задворках дома есть сараи, в одном из них колоритные личности пенсионного возраста чинят лодочное хозяйство. Отличные парни. Полвека проторчали на зоне, а на старости лет решили пожить честно и как-то увлеклись. Ума не приложу, зачем им это надо. Я показал удостоверение, и один из этих дедков-братков тут же сгонял за самогоном. Они хранят свое пойло в трехлитровых банках – представляешь? И даже закатывают крышками, чтобы до зимы не выпить!

– Не они первые, – миролюбиво заметил я. – Первое ба-
ночное пиво, между прочим, открывалось консервными но-
жами.

– Не устоял я, Артем, – покаялся Крюгер. – От усталости
окисляются контакты, и их приходится постоянно протирать
спиртом. Так вот, о смерти жильца из восьмой квартиры эти
двое уже слышали. Один из них проживает в десятой, другой
– в двенадцатой. У одного – лодка, у другого – снасти: объ-
единяют усилия, уезжают на пару ночей в верховья Уштыма:
там таймень, налим, муксун. И самое интересное, что вчера
ночью эти ребята опять корпели над своей техникой! Про-
тянули переноску, засиделись – не вязалось у них чего-то.
Дом уже спал, никто не шатался. И вдруг на втором этаже
вспыхнул свет! Борисыч и говорит: ни хрена, мол, себе, пол-
второго на часах, куда это Васильич подпрыгнул? А потом
видят, кто-то шторку задернул, свет горит, а за шторками те-
ни колышутся.

«И мертвые с косами», – подумал я, невольно покосив-
шись на дверь.

– Сколько теней?

– Две, не больше. Специально не подсчитывали, но се-
годня вспомнили и пришли к согласию. Слышимость была
неважная, но старикам показалось, что Грушницкий удив-
ленно воскликнул. А потом что-то громко сказал. А потом
заткнулся.

– А потом умер, – вздохнул я. – Леденящий триллер, Крю-

гер. Дальше-то что было?

– Мои собутыльники особенно не заостряли, своих дел невпроворот. Пришел запоздалый гость, посидели, разошлись... Свет горел минут десять. Потом потух. Зачем привлекать внимание? Уходя, гасите свет и все такое.

– Ладно, – вздохнул я. – Ты в райотдел?

– Так не вечер еще, – испугался Крюгер. – Потолкусь еще немного, может, дополнительной информацией обросту.

Вечные муки пьющего человека: хорошо бы трезво оценить ситуацию, но когда? Пока я выслушивал доклад подчиненного, в кабинете нарисовался Венька Лиходеев. Когда я положил трубку, он со скорбной физиономией сидел за своим столом и пилил перочинным ножиком конскую колбасу. Под локтем находился пакет с молоком.

– Ты откуда? – спросил я.

– Оттуда... – прошептал Венька. Меланхолия заела парня. Дожди всему виной. Мы молчали несколько минут, потом Лиходеев тихо-тихо сказал в пространство:

– А мы ведь с Настей до сегодняшнего дня целую неделю не ругались...

– Поссорились, что ли? – удивился я.

– А сегодня ночью сцепились... – Венька захлопнул ножик, ударил локтем в молоко и ловко перехватил его на излете. – Будешь колбасу?

– Не буду.

– Почему? – удивился он.

– Не ем колбасу. И никогда не предлагай.

– Понятно, – ухмыльнулся Венька. – Люди, знающие, как делают колбасу и законы, никогда не едят колбасу и не пользуются законами... Тогда слушай. Алексей Васильевич Грушницкий появился в этом городке примерно десять лет назад. Купил квартиру, прописался. Ни одного документального свидетельства, откуда прибыл. Коллегам говорил, что жил и работал под Костромой. Отбывал в молодости наказание, не скрывал, но данную тему в разговоре не поощрял. Человек незлобный, спокойный, скрытный. Но может сорваться. Четыре года назад ударил подчиненного, по халатности которого автобаза два дня стояла обесточенной. Поднялся от простого водителя до начальника мастерских, а в 2003 году неожиданно для всех был назначен руководителем механизированной колонны. Работников держал на расстоянии, панибратских отношений не допускал. В воровстве не замечен. Круг общения... – Венька задумался.

– А вот это было бы интересно, – подхватил я.

– Друзей у таких мухоморов, как правило, не бывает. Люди говорят, что временами он общался с неким Башлыковым – комендантом общежития консервного завода. Вместе выпивали, ездили на рыбалку. Я навел справки: этот экземпляр – вообще непроходимый бука. Нелюдимый, неразговорчивый. Сплошные «не». Какие отношения их связывают с Грушницким – непонятно.

– Женский вопрос?

– Да, – тряхнул головой молодой, – имелся такой. По свидетельству секретарши Грушницкого, у ее шефа была женщина, но особо он подругу не афишировал. Временами покупал конфеты, шампанское...

– Иди узнавай, – приказал я.

– Прямо сейчас? – Молоко дрогнуло в руке.

– А чего оттягивать?

– Но время же... Люди с предприятия домой расходятся.

– А ты сделай так, чтобы не расходились... Выметайся, Венька, выметайся. По дороге дожухешь.

Я спровадил обиженного парнишку и стал думать. Бегство маньяков из диспансера – ненужный в деле эпизод, он только путал карты. Без маньяков много лишнего. Эмма, у которой я провел утро одиннадцатого сентября, наезды милицейского и прокурорского начальства, «снежный человек» на турбазе «Белые зори»... Это, кстати, недалеко: четыре версты на север. Параллельно Уштыму протекает горная речушка Ашлымбаш, к ней и привязаны туристские маршруты... В остальной цепочке не хватало звеньев. Убийства взаимосвязаны. Две случайности в одном деле – это уже тенденция...

Из раздумий меня вывел вой сирены. Пожарная машина с оглушительным лязгом пронеслась по Советской. Пожарка – в трех минутах ходьбы от дома Эммы, западная окраина. Машина неслась на восточную. Я успел подумать, до чего абсурдно: дождь и воющая пожарная машина, поднимающая тучи брызг... А потом пробила склянка в голове. Я за-

стыл, пораженный абсурдной идеей. Обычная пожарная машина, обычный вызов (возможно, ложный), коих в Рыдалове за сутки случается не меньше пяти...

Я схватил телефонную трубку и отстучал номер пожарной охраны – благо номера государственных служб красовались на столе под стеклом.

– Уголовный розыск, капитан Богатов, – отбарабанил я. – По Советской проехала ваша машина. Откуда был вызов?

– Общежитие консервного завода, товарищ капитан, – невозмутимо отвечивал дежурный. – Поступил сигнал, что в полуподвале сильное задымление.

– Что в полуподвале?

– Там склады, товарищ капитан. И, кажется, квартира коменданта.

Я бросил трубку. Если два случайных совпадения – тенденция, то что говорить о трех? Я схватил дождевик и бросился на улицу. Хорошо, что машина всегда рядом...

Кирпичное здание общежития стояло в глубине двора, заросшего тополями. Пожарные выломали решетку в окне цокольного этажа, просунули туда брандспойт и жутко материли стесненные условия работы. Сильным было не только задымление, но и возгорание. Клубы черного дыма вырывались из лопнувших окон полуподвала. Собралась толпа любопытных – обитатели общаги, вернувшиеся с работы, старушки из окрестных домов, местные собаки.

– Слава богу... – выбрался из дыма черный, как трубо-

чист, усатый начальник команды. — Удалось локализовать это свинство... До складов не дошло и на первый этаж не перекинулось...

— Что с квартирой? — полюбопытствовал я.

— Труба, — махнул рукой усатый. — Сгорела, как в костре. Там, кстати, ваша работа — человек обгорелый.

Для того чтобы попасть в сгоревшую квартиру, пришлось обойти здание и воспользоваться черным ходом. В узком коридоре пожарные кувалдами сбивали обгоревшие балки перекрытий. Двухкомнатная квартира представляла собой грустное зрелище. Ни мебели, ни стен, ни следов преступления. Нагромождение сгоревшего дерева, лопнувший телевизор, вонь. Скрюченные останки человека — черные, дымящиеся, с оскаленным ртом, издевательски поблескивающим золотым зубом...

Когда подтянулись подчиненные, пожарные уже освободили оконные и дверные проемы, дышать стало легче. Я сидел в позе мыслителя у порога и отрешенно созерцал пространство.

— Мы войдем? — зажимая нос, спросила Янка.

— Да входи ты, скромница, — подтолкнул ее Крюгер. — Мать твою, ну и натюрморт... В натуре, коллеги, нет совершенства беспределу.

— Ни хрена себе, — восхищенно обозрел сгоревшую квартиру Венька. — Как говорится, дайте мне ящик водки, и я переверну общежитие номер девять.

– Командир, ты у нас прямо как Буратино, – развеселился Крюгер. – Сидит себе и думает: и зачатие у меня непорочное, и отец плотник... Эй, Янка, ты что делаешь?

Яна Владимировна уже сидела на корточках подле трупа, зажимая ноздри носовым платком.

– Реакцию зрачков проверяет, – развеселился Венька. – А вдруг?... Итак, Артем Николаевич, судя по всему, мы уже познакомились с господином Башлыковым.

– Приятно было познакомиться, – проворчал Крюгер. – Представляю реакцию начальства.

– Нужно выяснить, Башлыков ли это, – вздохнул я, поднимаясь с тумбочки. – Хотя, по логике вещей, конечно, Башлыков. За работу, ребята. Не знаю, удастся ли нам сегодня попасть домой...

Дисциплину на должном уровне мне поддержать удалось. Крюгер протрезвел, Янка забыла про свои болячки; Венька молотил, как проклятый. Выяснилось, что огонь вспыхнул минут семь-восемь шестого, через пару минут лопнуло стекло и повалил густой дым. Убийца изменил заведенной традиции – на черепе у покойного красовалась глубокая вмятина. Прокрался через заднее крыльцо, пользуясь тем, что ливень разогнал людей, постучал в квартиру (а с этого входа попасть можно только на склады и в квартиру Башлыкова – о чем убийца, благодаря стараниям Гарбуса, разумеется, знал). Поговорил с комендантом, ударил по голове «тяжелым металлическим предметом», облил квартиру керосином из ка-

нистры, предназначенным для растопки печи с дымоходом в окне, поджег и сбежал той же дорогой...

Венька приволок информацию. Башлыков Олег Федорович, 55-го года рождения, в Рыдалов перебрался десять лет назад – вроде бы из Приморского края. Жил в лачуге на правом берегу, работал разнорабочим на мукомольном комбинате, затем фортуна повернулась лицом (или помог кто-то) – получил должность коменданта общежития, две комнаты в полуподвале. Нелюдимый, злой, не любили его за вечную подозрительность и злую ауру. С женщинами не общался (во всяком случае, с приличными), но при этом имел что-то общее с начальником мехколонны Грушницким. Пару лет назад на Башлыкова заводили уголовное дело: обвиняли в совращении малолетки – шустрой нимфоманки из многодетной семьи. Таскали на разбирательства, но доказать не смогли, оставили в покое. Девчонка не настаивала. В многодетной семье ее затуркали, на что она ответила решительной беременностью. Родила не то сына, не то дочь, придумала ребенку имя, отчество, срочно повзрослела и укатила к тетке в Забайкалье, где, по слухам, нашла принца.

Тело Башлыкова идентифицировали по золотой фиксе – полным составом общежития. Характерная деталь: по размеру превосходит соседние зубы и угрожающе торчит вперед, навевая сходство с вампиром «в действующем резерве». Янка сделала попытку обособить последнее убийство от первых двух, но отказалась от этой затеи – уж больно совпадало.

Вывод оперативного отдела подтвердил звонок из криминалистической лаборатории.

– Вы добились своего, сэр, однако доставит ли вам это удовольствие? – иезуитски молвил в трубку Иван Иванович Штумпф, начальник лаборатории. – На стуле в комнате Гарбуса обнаружены несколько волосинок. Анализ выявил, что это плотная овечья шерсть серого цвета. Человек снял верхнюю одежду, сел на стул. Очевидно, кофта длинная – на нее и сел, оставив в заусенцах на стуле следы своего пребывания.

– Возможно, – сказал я, – посетитель имел беседу с Гарбусом.

– Волосинки чужие – ни у Гарбуса, ни у хозяйки похожей одежды в гардеробе нет.

– Но это не обязательно убийца, – пожал я плечами. – Приходить могли и ДО.

– В квартире Грушницкого найден аналогичный материал – человек прислонился к косяку в зале, который давно пора обстрогать и зашкурить.

– Вы чудотворец, Иван Иванович, – восхитился я. – Только не говорите, что у Башлыкова вы наткнулись на те же волосинки. Квартира выгорела дотла.

– Мы в курсе, – согласился эксперт. – Волосинки найдены на двери в тамбур черного хода. Там старая дверь с облупленной краской. Ваш приятель выскочил из горящей квартиры, проскочил первую дверь в том одеянии, в котором был, и лишь в тамбуре натянул дождевик. Частицы идентичны –

во всех трех случаях. Ищите плотную вязаную кофту большой длины...

И наконец, в восьмом часу вечера пришел, пошатываясь, Венька, брезгливо осмотрел наши, в принципе, не заморенные физиономии и заявил, что нашел женщину.

– У тебя же есть, – не понял Крюгер, которого двухчасовое пребывание в трезвом виде начинало основательно пощипывать.

– Я нашел женщину Грушницкого, – уничтожил его взглядом Венька. – Сычева Анна Михайловна, шестьдесят второго года рождения, незамужняя, бездетная, преподавала литературу в средней школе, а сейчас трудится корректором в районной «Таймс». С Грушницким познакомилась полтора года назад – через секретаршу Новикову, которая является ее школьной подругой. Адрес проживания: Рыбачий переулок, четыре...

– Живо к ней! – схватился я за дождевик. – И будем надеяться, что эту добрую женщину еще не прикончили.

– А разве должны? – засомневалась Янка.

– А ты уверен, что всем нужно ехать? – начал пропадать под столом Крюгер.

– Черт с вами, – отмахнулся я. – Сидите. Привезу ее в райотдел...

Еще не стемнело, но из-за низких туч создавалось ощущение позднего вечера. Ветер дул порывами, швыряя потоки воды. Я бросил «жульку» на Тальниковой и отправился

пешком по переулку, проваливаясь по щиколотку в грязь. Во дворе нужного дома имелась собачья будка и злобный враг прохожих. Он произвел два предупредительных гавка, выкатился из домика, брэнча цепью, и залился «пулеметной очередью». Прикинув на глазок длину цепи, я вошел во двор и, прижимаясь к фундаменту, добрался до крыльца. Собака взбеленилась – от горшка три вершка, а столько злости, словно ее дрессировал лично Хьюго Баскервиль.

В домике горел свет. Я поднялся на крыльцо, постучал. Открыли не сразу – похоже, женщина долго вставала с кровати, искала тапки, путала двери.

– Кто вы? – она отворила на пару сантиметров дверь, показала осунувшееся лицо, острый нос, пуховый платок, наброшенный поверх халата. Обычная русская женщина, и выглядит ровно на столько, сколько ей есть.

– Анна Михайловна?

– Да... Что вы хотели?

– Капитан Богатов, уголовный розыск. – Я показал в раскрытом виде удостоверение, она долго всматривалась в него, сверяла с оригиналом.

– Есть сомнения? – улыбнулся я.

– Проходите... – Она, сутулясь, побрела в комнату, где действительно стояла кровать с коваными дужками.

О смерти Грушницкого Анна Михайловна уже знала – Света Новикова позвонила. Поднялась температура, сердце зашалило. Отпросилась с работы, весь день провела в посте-

ли – без всякого улучшения. С лекарствами в доме туго.

– Остается сбивать температуру встряхиванием градусника, – невесело пошутила Анна Михайловна. – Да вы не волнуйтесь, молодой человек, это психология – пройдет. Лекарства здесь ни при чем.

Я понимал, что не смогу доставить эту женщину в райотдел – не фашист же. Придется караулить ее дома. Извинившись, я по сотовому позвонил Вениамину и обрадовал парня, что в постели невесты он будет этой ночью лишь эпизодически. Анна Михайловна нуждается в опеке. Через три часа он должен быть в Рыбачьем переулке, протянуть ляжку до трех ночи, а там уж его личная трагедия – где он будет искать смену. Можно Крюгера добыть, можно поднять с постели Невалеева и попросить у него бойцов из патрульной службы (оба варианта – обхохочешься). Не стал выслушивать тоскливые завывания и отключил связь.

Больше часа я сидел у кровати Анны Михайловны, мусоля кружку с остывшим чаем и решая поставленные задачи: охрану тела, добычу информации и отвлечение несчастной женщины от больной темы. Безумной любви к Грушницкому она не испытывала. Но человек он был надежный, малопьющий, умел создать настроение, хотя при этом оставался молчуном и букой. С семьей ей не повезло. До Грушницкого водила знакомство с видным татаринном, работающим вольным каменщиком в строительной организации. Герой-любовник сгинул в прошлое, Анна Михайловна поменяла работу... А

что касается Грушницкого, то в молодости он сидел на зоне (за «случайное» воровство), не любил об этом вспоминать, и если кто-то касался больной темы, закипал, как чайник. Да, имелся у него приятель – Башлыков, комендант общежития, но неясно, что у них было общего. Грушницкий – основательный, а тот – отрезанный ломоть, неприятный, пугливый, подозрительный. И какие их дела связывали – тоже вопрос. Имелось у Анны Михайловны подозрение, что человек этот – из темного прошлого Грушницкого, но вслух не говорила, зачем? Не имела она прав на прошлое своего дружка.

– Вы сказали, что его... убили? – Она куталась в одеяло и смотрела на меня выразительными глазами.

О гибели Башлыкова я решил не распространяться.

– Это версия, Анна Михайловна. Возможно, ошибочная – следствие покажет. Вспомните, пожалуйста, вы не замечали сегодня ничего подозрительного?

– А вы знаете, я только сейчас вспомнила... – она расширила глаза. – Весь день хлестал дождь... Мне было плохо, душно, я решила открыть форточку. Отодвинула занавеску, потянулась к шпингалету... – На подбородке дрогнула сухая кожа. – По-моему, кто-то хотел войти в калитку... Человек стоял на той стороне – закутанный в дождевик, капюшон на голове. Мне казалось, он уже перекинул руку через ограду, чтобы отвести засов... Но тут по переулку проехала машина, Тузик начал заводиться... Незнакомец, наверное, увидел, что я у окна и смотрю на него... Постоял немного, убрал руку и

вдруг куда-то пропал...

«Триллер, – невесело подумал я. – Мог ли кто-то видеть, как я направлялся в Рыбачий переулок? Замечать посторонних – профессиональная привычка. Шел дождь, машину я оставил у трансформаторной будки на Тальниковой, шел и озирался. Не было никого, дождь стеной, только Тузик на подворье Анны Михайловны достойно отрабатывал свой хлеб...»

– Звучит не очень-то успокаивающе, Анна Михайловна, – усмехнулся я. – Но давайте не будем сходить с ума. Человек ошибся адресом. Не возражаете, если я еще побуду в вашем доме? Время летит незаметно, не успеете оглянуться – уже утро. Спите, отвернитесь к стене, а я на веранде посижу на кушетке...

– Вы считаете, мне угрожает опасность? – она приподнялась, углубились морщины.

«Да», – хотел сказать я, но промолчал. По логике вещей Анна Михайловна не является носителем информации и бояться ей нечего. Но знает ли об этом тот, кто пытается ее добыть (информацию), оставляя за спиной многочисленные трупы?

– Не думаю, что вам угрожает опасность, – отозвался я. – А если что, вас охраняют двое – милиционер и собака...

Я проснулся очень кстати. Вскинул руку с часами. Светящиеся стрелки уже готовились сомкнуться на цифре «двена-

дцать». Заработался я что-то этой ночью. Эмме обещал, что приду. А женщина она скромная – сама звонить не будет. Я лежал на продавленной кушетке в углу застекленной веранды. Ветер швырял в окна потоки воды. Хлопал гром с угрожающим постоянством. Тучи, будто пьяные, наезжали друг на дружку. Несколько минут я прислушивался, потом встал, сунул нос в теплую хату. Анна Михайловна посапывала на кровати. «Какого черта я тут делаю? – разозлился я. – Эскортирую печальную даму бальзаковского возраста?» Плюхнулся на кушетку и позвонил Веньке Лиходееву.

– Да иду я уже, иду, – буркнул паренек. – Советскую перехожу...

Прошло еще несколько минут. Я выкурил сигарету. Звякнула щеколда на калитке – я подпрыгнул и выбросил в помойное ведро окурков. Тузик выкатился из будки, загавкал. Хрустнула галька под ногами.

– Добрался, молодой...

Я отвернул собачку на примитивном замке. Мысль сверкнула слишком поздно: что-то быстро он добрался. Если три минуты назад он пересекал Советскую, то должен был двигаться со скоростью хорошего джипа...

Но дверь я уже открыл. И поднимающийся на крыльцо человек меньше всего ожидал, что навстречу кто-то выйдет. И уж точно непосторонний... Обрисовалось тело в дождевике, капюшон на голове, сумрак вместо лица... Не Венька! Незнакомец замешкался. А моя ошибка заключалась в том,

что я продолжал держать дверную ручку. Он рванул на себя дверь, я вывалился на крыльцо. Никогда не занимался балетом, а тут пришлось проделать танцевальное движение, чтобы увернуться от удара. Я крутанулся на сто восемьдесят, плюхнулся на низкие перильца, обняв столбик опоры, чтобы не вывалиться за борт. Незнакомец мерцал перед глазами. Он тоже растерялся. Взметнулись рукава балахона, но я уже обрел устойчивость. Брать уроки фехтования ногами мне также не доводилось, но что-то подобное я проделал, засадив незнакомцу в живот. Тот загремел по ступеням... и ни слова при этом не вымолвил.

Я бросился в атаку... а дальше была мясорубка. Видимость паршивая, я споткнулся на первой же ступени и, падая, увидел, как он замахнулся поленом, выхваченным из-под крыльца. Зацепился за что-то плечом, неловко провел удар. И все же награда нашла героя: полено состыковалось с моей макушкой, и все зажглось веселыми разноцветными огнями. Пострадали все участники потасовки – мне удалось извернуться и отшвырнуть его пятками от себя. Лопнула леска, на которой держался жухлый хмель. Тень подлетела, но и я уже выдергивал из кобуры табельный пистолет. Он швырнул в меня полено и помчался прочь, увертываясь от взбесившегося Тузика. Я рухнул навзничь – над носом просвистело. Стукнула калитка, и только тут до меня дошло, что избежал я чего-то жутко неприятного...

Когда подкрался Венька Лиходеев, я сидел на крыльце,

обняв поврежденную голову, и выл от боли. Он сделал вокруг меня пару кружков, начал ощупывать, проверяя страшные догадки.

– Артем... это ты?...

– Вот так и складывается из мелочей жизнь, Венька... – сумничал я, вставая на ватные ноги.

– Ну, не знаю, – засомневался Венька. – Из-за мелочей она как раз не складывается... Кто это тебя отделал, командир?

– Видел кого?

– Не-ет...

– В другую сторону помчался, урод. Интуиция у него... Ладно, Венька, проехали, в другой раз умнее будем. Слушай и запоминай, пока я тут совсем не откорячился... Звони Неваляеву, пусть распорядится выслать людей – иначе смерть Сычевой будет на его совести. Так и скажи, не стесняйся, можешь сослаться на мои слова... Возьми полено – вот это, пробейте завтра на «пальчики», может, отпечатались... Все, Венька, сиди бди, хозяйку смотри не напугай. Завтра мы должны еще раз ее допросить – по полной программе...

Голова была горячее, как аравийская пустыня. В районе часа ночи я очнулся не у порога собственного дома на Тальниковой, а на Советской улице – где было много акаций и ранеток. За плотными занавесками горел свет. Я постучал – она открыла, без очков, худенькая, хорошенькая, в махровом

халате с проплешинами. Близоруко прищурилась, покачала головой.

– Отбивное мясо принимаете? – пошутил я.

Эмма втащила меня в дом, принесла настольную лампу, осветила голову и ахнула:

– Мать честная, хуже, чем вчера... Где же это тебя угораздило, горе мое?

– Теперь ты понимаешь, почему я не пришел вовремя? – гордо спросил я.

– А я не сомневалась, что ты придешь. Ждала бы и до двух часов, и до трех. Мог бы и не спешить. Ну чего ты встал, как в гостях? Живо снимай всю одежду... я сказала ВСЮ! И трусы свои с длинными рукавами – тебя же выжимать можно!

Боль отступала, упорно отстреливаясь. Мне было хорошо. Я лежал на мягкой постели под ватным одеялом. Женщина в ажурном дезабилье делая мне примочки, поила травяным настоем с медом, читала лекцию, как важно заботиться о своем здоровье и не лезть под колящие, рубящие и тяжелые тупые предметы. Она не спрашивала, во что я влип, что было, с одной стороны, приятно, а с другой – обидно. Но я проснулся рано утром нормальным человеком. Эмма сладко потянулась, обволоклась вокруг моего побитого торса, прошептав, что вечер ей понравился больше, чем утро, и не буду ли я так любезен снова прийти вечером?

– Обязательно приду, – торжественно пообещал я и побегал на обожаемую работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.